

№ 48. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою - 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 1 Декабря 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина**; стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ» **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура**; «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта**; Пляски и танцы на Руси, историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича**; Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго**; «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова**; рядъ очерковъ изъ американской жизни **Н. В. Шелгунова**; ст. **И. Ф. Василевскаго** (Буквы) и др.

Въ первыхъ нумерахъ будутъ напечатаны:

1) Повѣсть **П. Д. Боборыкина**; 2) Очерки изъ жизни въ средне-азіятскихъ пустыняхъ (иллюстрированные самимъ авторомъ) **Н. Н. Каразина.**

Первый листъ романа **А. Михайлова** въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 3 мъ № журнала.

Въ свое время будутъ помѣщены спеціально сдѣланныя для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ **И. Н. Крамскимъ** иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. **Петромъ Соколовымъ.**

ПРЕМІИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго,**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. Образцы этихъ двухъ премій уже выставлены въ Главной конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ и вскорѣ будутъ выставлены въ мѣстныхъ конторахъ, поименованныхъ въ этомъ объявленіи; точно такъ же, какъ и образцы **третьей преміи**, которую составляетъ **большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова**, «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ **четвертой преміей** будетъ выдана **литературная премія**, съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстными иностранными издателями олеографическихъ картинъ и съ фотографіей г. Каррика въ С.-Петербургѣ объ уступкѣ гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» по уменьшенной цѣнѣ изданныхъ этими фирмами олеографическихъ картинъ и фотографическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Каталогъ этихъ картинъ и снимковъ помѣщенъ въ концѣ настоящаго нумера.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки..........	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой..........	**7** р.	**4** р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», **шесть** выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получить эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60** копѣекъ. Описаніе этихъ выкроекъ можно найти въ объявленіи отъ «Магазина парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», помѣщенномъ въ № 45 «Жив. Об».

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Повинная.

(преданье).

Разсказъ **Г. Пономарева.**

Повинную голову мечъ не сѣчетъ.
Пословица.

I.

Жилъ да былъ нѣкій дьякъ въ стародавней Москвѣ,
Знали всѣ про Никиту Сохатаго;
Нѣтъ другого, какъ онъ, плутоватаго,—
Ужъ и правда—съ «царемъ въ головѣ!»
Вся Москва его славитъ:
Коль за дѣло возьмется, такъ бѣса оправитъ,
Онъ съ просителей шкуру сдеретъ;
Деньги вѣчно впередъ
Выжимаетъ, при первой случайности,
«Да не даромъ, покрайности!»
Соглашался народъ.

II.

Былъ Никита женатъ;
Ну, и баба-же—кладъ!
Половину всѣхъ дѣлъ его вѣдала;
Пуще мужа умна;
Да за то вѣдь она
На серебрянныхъ блюдахъ обѣдала!

III.

Только разъ и случилось...
За всѣ, за дѣла,
Что какъ сажа бѣла,
Царь призвалъ лиходѣя завзятаго,
Закричалъ на раба своего
И велѣлъ «за такое его воровство»
На «глаголѣ» повѣсить Сохатаго...

IV.

Тотъ и взвылъ, помутился умомъ
Въ ожиданьи высокихъ хоромъ:
— «Вотъ и деньги водилися,
Да на что пригодилися?
Не оправишься ими предъ Грознымъ царемъ!»

V.

Вотъ на площадь его привели.
Видитъ онъ—не минуешь петли!
Не простятся его прегрѣшенія!
Онъ и проситъ себѣ разрѣшенія:
Три молитвы прочесть,
Православнымъ свое покаянье принесть
И просить у народа прощенія.

VI.

Разрѣшили ему,—
Онъ и радъ то тому,
Да и голосъ дрожитъ, обрывается:
— «Православные люди!
Воля царская буди,
По грѣхамъ моимъ смерть посылается!

Все предъ вами открою:
Жилъ я съ бабою злою,
По ея сатанинскимъ внушеніямъ
Ею, люди, повѣрьте,
Доведенъ я до смерти...
И не видѣлъ конца огорченіямъ!

Обиралъ я, бывало,
Всѣхъ, кого посылала
Въ руки мнѣ ихъ судьба горемычная!
Воръ я, воръ окаянный,
Грабилъ всѣхъ неустанно...
Да и баба моя злоязычная.

У бояръ нѣтъ кармана,
Чтобы поздно иль рано
Не платилъ мнѣ, хоть разу, сторицею.
И доходъ тотъ бездонный
Отъ жены, отъ законной,
Проживалъ я съ веселой вдовицею.

Тѣшилъ бѣса я много:
Забывая про Бога,
Даже въ постъ разрѣшалъ на скоромное!
Не молитвы—а сказки,
Не смиренность—а пляски
Занимали житье мое темное!

И послѣднее дѣло...
— Право, баба доѣла!
Отъ нея мои муки удвоились!
У безумной старушки
Двѣ отбили лачужки,
Оттягали, да сами и строились...

Охъ, грѣховъ-то—безъ счета!
Все-то бабья работа,
Все и зло-то отъ бабъ народилося!
Это адово племя,
Это пагубы сѣмя—
Для соблазна межъ насъ проявилося.

Словно вѣдьма какая»...
Но его прерывая,
Тутъ подходитъ бояринъ къ Никитѣ;
Тотъ струхнулъ не на-шутку;
— «Дайте срокъ... на минутку!
Я не все досказалъ, погодите!»

VII.

— «И не кончить, Никита, во вѣки тебѣ;
Но ужъ видно ты счастливъ въ судьбѣ:
За твое передъ всѣми раскаянье,
Наказавши любя,
Царь прощаетъ тебя...
Что стоишь? аль опѣшилъ съ отчаянья?
Ну, ступай по-добру, по-здорову! Народъ
Будетъ знать про Никиту впередъ!»

«Вотъ-те на! мыслитъ дьякъ,—
Одурачили какъ!
Что-жь я душу-то имъ выворачивалъ?
Ну, ей Богу, туракъ!
Вотъ попался въ просакъ!
Такъ никто мнѣ еще не отплачивалъ!
Пропаду ни-за-что!
Вѣдь ужъ больше никто
За совѣтомъ къ Никитѣ не явится...
Ну, была не была!
Голова то цѣла,
Головой-то все дѣло поправится».

Дьякъ пустился бѣгомъ;
А народецъ-кругомъ
И хохочетъ, и дразнитъ Сохатаго;
Вдругъ, какъ ястребъ, жена,
И красна, и страшна,
Ухватила виски виноватаго.
— «Царь прощаетъ, кричитъ,—
Да жена не проститъ!
Не учили уму тебя съ молоду,
И меня и себя
Языкомъ погубя,
Помирай же, пропойца, съ голоду!
Вотъ каковъ муженекъ!
Все, вишь, я поперегъ!
Проучу же башку безталанную!
Розыщу и вдову,
И ее разорву,
Разорву я ее, окаянную!»..

Дьякъ совсѣмъ растерялся, беретъ его дрожь:
«Вотъ отъ смерти ушелъ, — а отъ бабы — такъ врешь!»

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симоновой.**

(Продолженіе.)

Глава V.

— А въ Каменкѣ-то «баской» оправляется, проговорилъ Сидоръ Ивановичъ, входя въ свою избу.

— Какой «баской?» вопросила супруга, а воображеніе ея вдругъ нарисовало высокую, статную фигуру молодого парня-прохожаго, ночевавшаго у нихъ, и сердце бабы усиленно забилось.

— Да, нѣшто, я не говорилъ тебѣ, что у Перфилья въ избѣ ужъ которую недѣлю Павелъ изъ Забѣгаевки въ огневкѣ лежитъ, помнишь, прохожаго?

Полѣсовщица очень хорошо помнила прохожаго. Ей не одинъ разъ даже во снѣ снились сѣрые, блестящіе глаза, длинные русые волосы и нѣжная шея молодца; только она не отвѣтила на вопросъ мужа; брови ея сердито сдвинулись и глаза блеснули гнѣвомъ.

— Пошто ты мнѣ раньше-то ничего не сказалъ? сказала она недовольнымъ тономъ и повернулась къ печи.

— А то-ли оттого, что забылъ, то-ли оттого, что нечего и говорить-то было? Лежалъ парень, маялся, болталъ всякій вздоръ безъ ума, съ часу на часъ ждали, что Богу душу отдастъ. Дядя Перфилъ все время въ страхѣ былъ, что къ мертвому тѣлу судъ наѣдетъ и онъ въ отвѣтъ попадетъ. Одначе парень оклепался. Ну, да ужъ и возилась же съ нимъ Фекла. То съ печи на лавку, то съ лавки на печь перетаскивала; въ банѣ парила, хрѣновиками обкладывала, а ужъ молоко, такъ и братишку обижала и сама его въ ротъ не брала, все больному спаивала, ровно теленка на убой готовила. Ха, ха, ха! Чудная дѣвка. Всѣхъ парней въ страхѣ держитъ, а съ этимъ, возившись, ночей не досыпала. Впрочемъ, чтожь я, въ самомъ дѣлѣ, просто у дѣвки сердце доброе, оттого больного и не кинула вся деревня знаетъ, что дѣвка добрѣющая.

Еще сердитѣе взглянула баба на мужа. Она ощущала въ это время незнакомыя ей чувства зависти къ Феклѣ и ревности дѣвки къ «баскому».

— Да, продолжалъ Сидоръ Ивановичъ; — видно, здоровъ парень, что выдержалъ экую встряску. Теперь ужъ благодарности у него Феклиной семьѣ да самой дѣвкѣ и конца нѣтъ. Этакой сердечный парень! Перфилъ-то мнѣ сказывалъ, что какъ опомнился совсѣмъ, даже заплакалъ. Феклѣ-то чуть не въ землю поклонился.. Вонъ что!.. Чѣмъ, говоритъ, я васъ люди добрые отблагодарить долженъ, денегъ у меня нѣту-ти, на спасибѣ шубу не сошьешь. Ну, тѣ, извѣстно, говорятъ, ничего молъ намъ не надобно, живи, покуль совсѣмъ оправишься, покуль силъ наберешь. А онъ теперь говоритъ ужь, вѣстимо, коль сейчасъ же въ путь дороженьку идти, то среди поля помирать, а буде позволите, такъ тѣмъ временемъ, покуль окрѣпну, парнишку вашего грамотѣ поучу и тѣмъ самымъ за хлѣбъ-соль вашу да доброе участіе ко мнѣ хошь капельку отблагодарю. Такъ на томъ они и порѣшили. Останется у нихъ парень пока окрѣпнетъ и парнишку обучать будетъ.

Лицо полѣсовщицы вдругъ радостно вспыхнуло, задрожавшія руки чуть не опрокинули горшка въ печи. «Не даромъ же онъ мнѣ вспоминался, не даромъ и во снѣ видала!» думала она въ это время,—и ужъ повидаю же я его не одинова, да коли можно и къ себѣ перетащу, пусть лучше нашего сынишку обучаетъ. То-то весело будетъ! Не все же мнѣ одной деньки, а часто и ночки одной коротать. Заведу мила-друга, коли понѣ мужъ до медвѣдей больше охотникъ, чѣмъ до меня!..»

— Эхъ жаль, что не сказалъ ты мнѣ раньше, проговорила она, ласкаясь къ мужу,—чать и мнѣ парня-то жаль и я бы не одинова спровѣдать его сходила, не у одной Феклы сердце-то доброе. А то, наткось, сколько времени утекло...

— Эхъ ты, дура пермячка! Тебѣ-то съ чего? У той въ избѣ лежалъ, какъ же ей и не походить за нимъ, а то—статочное-ли дѣло за пятнадцать верстъ спровѣдывать... дура да и только!

Сидоръ Ивановичъ даже сплюнулъ, но къ ласкамъ жены не остался равнодушенъ и любовался ея разгорѣвшимся лицомъ и сіяющими очами.

— Ну, ладно! проговорила она, скрѣпя сердце,—а я завтра пойду матушку спровѣдать, всю ярманку не была, съ этими гостями, совсѣмъ въ избѣ сохранившись, сидѣла, послѣ ярманки въ затишье ты въ городъ уѣзжалъ, наказывалъ избу

не бросать, теперь ужь и весна прикатила, пойду да и только.

Въ этомъ супруги согласились. Въ праздничномъ нарядѣ, состоящемъ преимущественно изъ краснаго цвѣта, на другой день утромъ Дарья вышла изъ избы своей.

Снѣгъ только что стаялъ и ручьями сбѣжалъ въ лощины, но земля была еще влажная, влажныя были и деревья въ то утро, особенно обнаженный березнякъ точно плакалъ; легкій паръ отъ всего подымался кверху на встрѣчу яркому теплому солнечному свѣту. Кое-гдѣ зелеными пятнами пестрѣла сохранившая подъ снѣгомъ свой цвѣтъ прошлогодняя трава и отраденъ былъ глазу этотъ видъ зеленыхъ пучковъ среди желтой, сухой, еще не ожившей природы. Лѣсъ дремучій съ позлощенной верхушкой, теперь безъ бѣлаго покрова и шапки, кажется еще болѣе хмурымъ, сумрачнымъ, еще болѣе темными кажутся его вѣтви вѣчно зеленыя, такъ густо сплетшіяся, что солнечнаго луча не пропускаютъ. Оглянулась Дарья на свою избу, на палисадникъ передъ ея окнами, на плетень, окружающій огородъ, лукаво усмѣхнулась и быстро пошла въ сторону Каменки. А изба ихъ казалась теперь вдвое выше, и плетень, и полисадникъ, появившіеся изъ подъ снѣга, придавали постройкѣ болѣе оживленный, семейный характеръ.

«Ужь отобью же я у Феклы «баскова», думала полѣсовщица,—Фекла не охоча рядиться, а я въ красномъ дубасѣ ходить стану, а кокошникъ парчевой, что другія бабы по праздникамъ носятъ, и безъ того почесть не снимаю. Куда ей со мной тягаться...»

Полѣсовщица, улыбаясь, оглядывалась безпрестанно на свою избу, одиноко стоящую въ опушкѣ лѣсной, пока та не скрылась изъ глазъ. «Ишь ужь и оконъ не видно и Сидора нѣтъ—не вышелъ провожать, только плетень огорода торчитъ у края дороги, а вотъ и онъ скрылся, все наше гнѣздышко и съ Сидоромъ вмѣстѣ проглотилъ лѣсъ-батюшка, загородилъ стволами, словно частоколомъ, завѣсилъ темными густыми вѣтьвями», — думала, удаляясь, полѣсовщица и чѣмъ дальше удалялась отъ избы, тѣмъ дѣлалась веселѣе. Дорога, оживленная зимой, теперь была мертва. Одиноко шла Дарья, людъ, оживлявшій павдинскій путь, словно весь вымеръ. Ничего передъ глазами женщины, кромѣ липкой, чуть-чуть сверху оттаявшей дороги, которая, то суживаясь, то расширяясь въ обхватившемъ ее лѣсу, тянется, пока глазъ видитъ, пустынною полосою.

Тихо въ воздухѣ. Да не спокойно на душѣ Дарьи; словно огонекъ затеплился въ сердцѣ ея послѣ вчерашняго разсказа мужа о близкомъ присутствіи «баскова» и огонекъ этотъ готовъ былъ превратиться въ яркое пламя. Версты четыре прошла она молча, то улыбаясь всѣмъ лицомъ, то хмуря брови и недовольно, даже какъ-то угрожающе блестя глазами.

— Ужь будетъ-же по моему! проговорила, почти вскрикнула женщина и остановилась, какъ вкопанная. По моему, повторилъ лѣсъ; по моему, прозвучало еще гдѣ-то далеко впереди. Дорога здѣсь раздѣлялась на двое. Въ правую сторону лежалъ путь въ Косу—родину Дарьи, прямо къ Каменкѣ, и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ стояла путешественница, дорога прерывалась водою. Разгулялась въ тотъ годъ рѣчка родимая, разлилась на пять верстъ въ обѣ стороны, покрыла луга и болота, захватила и лѣсу и, подмывъ съ кореньями старыя сосны, унесла обвалившіеся, мохнатые хвои невѣсть куда. Тихо теперь водное пространство, словно остановилось въ раздумьи: что дѣлать? Точно въ зеркалѣ отразился въ немъ голубой сводъ съ плывущими по немъ легкими прозрачными облаками, а вся поверхность такъ и искрится, такъ и блеститъ, обдаваемая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Громаднымъ озеромъ кажется теперь небольшая горная рѣчка. Веселыми островками высятся изъ воды тутъ и тамъ пригорки, покрытые лѣсомъ, а надъ всѣмъ царитъ вагуличья гора, словно великанъ, торчащая изъ зеркальной поверхности, известковая, бѣлая гора и сама точно сыплетъ блестящими искрами да яркими лучами.

— Не сюда, проговорила Дарья, махнувъ рукою въ сторону Косы, быстро оглядѣла стелящееся у ногъ водное пространство, перевела затѣмъ внимательный взглядъ на случайный берегъ, гдѣ стояла и, замѣтивъ у самой воды опрокинутую кверху дномъ душегубку, пошла къ ней быстрыми шагами. Старая сосна, что стояла на обрывѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Дарьи и такъ низко наклонилась надъ водою, что будто смотрѣлась въ нее, вдругъ затрещала. Дарья оглянулась въ ту сторону. Новый трескъ: верхушка наклонилась еще ниже, кругомъ ствола земля дала щель, со скрипомъ и трескомъ взъерошились корни, сильнѣйшій хрустъ и верхушка шлепнулась о воду; задрожали вѣтви, задрожала вода, еще минута и старая сосна тихо, спокойно поплыла внизъ.

— Фу ты, альни, напугала подлая! отплюнулась Дарья въ сторону медленно удаляющагося дерева и принялась тащить къ водѣ свою крошечную лодченку съ острымъ дномъ и крутыми боками.

— Ишь лежитъ, какъ ее вчера Сидоръ оставилъ и весло тутъ-же! мелькнуло въ головѣ Дарьи. Да не кому и трогать. Съ самой той поры, какъ рѣчка ледъ взломала, ни одна живая душа не проходила мимо нихъ въ Каменку. Вотъ лѣтомъ варнаки пойдутъ, тогда ничего плохо не клади,—а теперь некому взять, свои, не спросясь, не тронутъ. Всякъ, кому бы понадобилось идти въ Каменку, завернулъ-бы къ дядѣ Сидору, потому — всякъ знаетъ, что другой переправы, окромя его лодки, въ здѣшнемъ мѣстѣ нѣту-ти.

Кому неизвѣстно, что не любитъ шутить «душегубка», что она, юркая и валкая, особенно пьяныхъ не терпитъ и каждое половодье не одну пьяную душу загубитъ. Стоитъ только чуть-чуть потерять равновѣсіе или чуточку подвинуться въ бокъ, чтобы лодка мгновенно перевернулась кверху дномъ.

Какъ человѣкъ опытный, знающій дѣло, Дарья встала на колѣни на дно лодки и крѣпко сжала обѣими руками единственное весло, употребляемое при душегубкѣ. Фигура ея осталась неподвижною, точно вылитою, только станъ чуть замѣтно сгибался да руки ловко и быстро взмахивали весломъ то по одну, то по другую сторону лодки.

Быстро скользитъ лодка по знакомому пути. Съ тѣхъ поръ, какъ Дарья себя знаетъ, она, что и рѣчка-матушка, все одна и таже; что съ поконъ вѣка каждую весну разольется она и стоитъ такимъ-же зеркаломъ, какъ теперь; что съ поконъ вѣка все тѣ-же островки красуются на водѣ и все таже вагуличья гора, словно чудище водяное, выставившись изъ воды, изъ году въ годъ бѣлѣетъ и свѣтится подъ тѣми же лучами солнца.

Юрко снуетъ душегубка, минуя то тотъ, то другой островокъ, а кругомъ все вода да островки, точно имъ и конца-края нѣтъ. Но ничто не возбуждаетъ сомнѣнія Дарьи, она работаетъ почти машинально и съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, гдѣ четверть и гдѣ половина пути. Вся потная, раскраснѣвшаяся Дарья подплыла къ противоположному берегу, осторожно положила чоботы въ передникъ, подняла сарафанъ выше колѣней и, выпрыгнувъ въ воду, потащила за собою душегубку.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ Дарья опрокинула лодку и засунула подъ нея весло, стояла группа всадниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ высокихъ сапогахъ и кожанныхъ, опоясанныхъ ремнями пальто, были вооружены, другіе въ обыкновенномъ крестьянскомъ костюмѣ. Нѣсколько вьючныхъ лошадей остановилось у самой рѣки, двѣ или три опустили даже переднія копыта въ воду, но не трогались съ мѣста. Общее вниманіе и людей, и животныхъ было устремлено на стараго мерена, темно-бураго съ просѣдью, единственную лошадь безъ сѣдока и вьюка, даже безъ уздечки. Только крупное ботало висѣло у него на шеѣ. Животное это, какъ бы въ раздумьи, медленно шло вдоль берега и, часто останавливаясь, то съ силою втягивало воздухъ, то пристально всматривалось въ синюю водную дань, то раза два осторожно даже пускалось вплавь, но тотчасъ же и возвращалось.

Разрумянившееся лицо Дарьи, ея черные глаза и красный сарафанъ обратили на нее вниманіе еще издали, а когда она, поднявъ сарафанъ, тащила лодку, раздался дружный хохотъ. Кто-то изъ группы бросилъ въ нее комкомъ грязи. Она, смѣясь, отвѣтила тѣмъ же и погрозила кулакомъ, хохотъ усилился. Казалось, въ эту минуту компанія забыла о своемъ вожакѣ, продолжавшемъ выбирать наиудобнѣйшее мѣсто для переправы вплавь и думала пошалить съ подвернувшейся бабенкой. Но изъ группы выѣхалъ старикъ, маленькій, худой, черный, бѣдно одѣтый. Крошечное сжатое со всѣхъ сторонъ лицо его свѣтилось радостью. Дарья узнала отца и отвѣтила ему такимъ же радостнымъ взглядомъ. Не было ни объятій, ни поцѣлуевъ, ни пожатія рукъ, старикъ даже не слѣзъ съ лошади и сама Дарья остановилась отъ него на разстояніи сажени.

— Куда ты? сказала она ему по пермятски.

— А нанялся на два лѣста къ золотопромышленникамъ, ишь ѣздили народъ собирать, скоро у нихъ работы пойдутъ, отвѣтилъ онъ по пермятски.—У насъ со старухой-то ни крохи хлѣбной нѣтъ, хоть помирай, а тутъ, покрайности, и самъ сытъ буду да и старухѣ малость на мучку оставилъ. Оно и ладно. Много косинскихъ нанялось, всѣ безъ хлѣба. Да и откуда намъ взять, сама знаешь, дороги проѣзжей черезъ насъ нѣту; стоимъ въ сторонѣ—помощи ниоткуда.

— Такъ! лицо Дарьи стало грустно. Болѣе двадцати пяти лѣтъ она слышитъ тѣ же рѣчи о хлѣбѣ и въ дѣтствѣ, и въ юности сама испытывала голодуху.—Слава Богу, что эти-то появились! обратилась она къ отцу и кивнула головой на группу золотопромышленниковъ.

— Что и говорить, ровно спасители отъ смерти съ неба свалились! проговорилъ онъ и направился къ группѣ.

— Пошто вожака-то взяли, неужто мѣста не знаете, крикнула Дарья отцу.

— Вѣстимо, мы-то знаемъ, да они люди новые, безъ вожака боятся. Опять-же, говорятъ, много рѣчекъ переплывать придется, что ни намъ, ни имъ не знакомы.

Въ это время послышался всплескъ воды и старый меренъ—вожакъ, весело пофыркивая и косясь по сторонамъ, поплылъ по направленію къ вогуличьей горѣ. Раздалось звяканье колокольчиковъ, крики «ай-да!» и вся компанія, обдавая себя брызгами, кинулась въ воду и потянулась за вожакомъ. Одни изъ всадниковъ плыли по колѣно въ водѣ, другіе, болѣе смѣлые, сложили ноги на спинѣ лошади въ видѣ калачика и, почти не затрогиваемые водой, щеголяли ловкостью и опытомъ. Отецъ Дарьи ѣхалъ послѣднимъ.

— Коли заѣдешь къ Сидору, не говори, что меня встрѣтилъ! крикнула Дарья ему въ догонку, приложивъ обѣ руки ко рту въ видѣ трубы.

Онъ, не оборачиваясь, кивнулъ головою.

— Ишь вожакъ какъ вѣрно забираетъ! ду-

мала Дарья, глядя вслѣдъ удаляющейся ґруппѣ.— Въ первый разъ на нашей рѣчкѣ, а ровно вѣкъ переплывалъ! А изъ того сивко, пожалуй, что и вожакъ выйдетъ, ишь онъ какъ смѣло все рядомъ съ вожакомъ плыветъ, да еще и впередъ норовитъ, ладный конь! Видно, и ему дано дорогу смѣкать. Св. угодники Фролъ и Лавръ наградили и его.

Липкая, грязная дорога, обрамленная лѣсомъ, снова потянулась передъ Дарьей.

— Верстъ съ пятокъ не болѣ осталось до Каменки! вспомнила полѣсовщица и мысли ея снова обратились къ «баскому». Не вѣкъ же мнѣ по Сидоровой дудкѣ плясать! Что онъ взобыльто, ровно собака на сѣнѣ,—ни себѣ, ни людямъ! —думалось Дарьѣ.—Ладно ему, какъ онъ виды-то видывалъ, а у меня только и свѣту въ окошкѣ, что онъ. Ровно онъ не смѣкаетъ, какъ мнѣ всю душу воротитъ, когда начнетъ похваляться, гдѣ какую красотку любилъ, по какой самъ тужилъ, какая по ёмъ убивалась да плакала, какъ съ полкомъ съ мѣста на мѣсто бродилъ.

Лицо Дарьи сдѣлалось угрюмо, она съ сердцемъ сплюнула!

— Нечего и за мной глядѣть въ оба, нечего говорить, что пермячки-де бабы не крѣпкія, за ними доглядъ нуженъ. Тоже не какая-нибудь я ему досталась, въ дѣвкахъ-то блюла-блюла себя, да и теперь блюди. Плевать совсѣмъ! Не крѣпкія!.. Тоже на шею кому попало не кинусь, а выберу парня по сердцу. Тянетъ меня къ баскому, да и на-поди, и не стану я супротивъ себя идти. Буде можно, схороню отъ Сидора... а буде примѣтитъ, пусть бьетъ, какъ собаку, тутъ есть изъ-за чего побои вынести. То-ли дѣло дѣды-то баютъ: въ старину у нихъ кто кого хотѣлъ, тотъ того и любилъ, не было ни злобы, ни зависти. А нонѣ? Ужь эти мнѣ «каменскіе» порядки!... Стали попы и къ намъ заѣзжать и у насъ тѣ порядки вводить, а давно-ли? еще матушка въ дѣтствѣ никакихъ поповъ не видывала. Пожалуй, скоро у насъ совсѣмъ по «каменскому» станутъ жить и въ баню почнутъ ходить дѣвки да бабы на особицу, а парни да мужики тоже сами по себѣ. Всѣ порядки переймутъ!..

Быстро шагаетъ Дарья, сама не замѣчая того, взбирается на гору; а кругомъ все тоже безлюдье. Темный соснякъ да обнаженныя березы тянутся безъ конца, таже липкая дорога, впрочемъ, здѣсь нѣсколько суше. На оставленныхъ лошадьми слѣдахъ суетятся и чирикаютъ воробьи. Громадная ворона отскочила шага на два изъ подъ самыхъ ногъ Дарьи и, искоса поглядывая на нее, прошлась рядомъ съ нею спокойной, мирной поступью. Дарья вошла на верхушку горы, состоящей большею частью изъ жерноваго камня, дорога тутъ съуживалась до того, что сплошь была покрыта тѣнью. Два-три камня торчали изъ земли; одинъ изъ нихъ сѣтью обхватили корни ели: прошлогоднія, золотистыя иглы, да темныя еловыя шишки покрывали его. Дарья присѣла на одинъ изъ камней, чтобы перевести духъ, и заглянула въ лѣсную чащу, а тамъ— ночь непроглядная. Въ тишинѣ безмолвной, чуть шелестя, качнулась вѣтвь кедра, крошечная бѣлка выставила красноватую головку, взглянула на Дарью любопытными глазами и снова спряталась, черезъ секунду виднѣлся только одинъ ея пушистый хвостикъ.

«Хоть и близко Каменка да не видно ее еще, подумала Дарья,—оттого, что дорога тамъ съ версту отсель заворачивается вправо. Отъ поворота еще около версты, близехонько, кажись, да лѣсъ-батюшка такъ закуталъ ее, что и съ горы не видно».

Дарья перевязала платокъ, поправила фартукъ, еловой вѣткой счистила съ чоботовъ налипшую грязь и хотѣла продолжать путь, какъ вдругъ послышалось хрустеніе вѣтокъ, неистовое звяканье ботала и мычанье коровы. У подошвы горы въ той сторонѣ, куда нужно было идти Дарьѣ, изъ опушки лѣсной выскочила черная, комолая небольшая корова и понеслась по дорогѣ къ Каменкѣ съ такой быстротою, что вымя прыгало изъ стороны въ сторону.

«Неладно!» прошептала Дарья и въ испугѣ прислонилась къ стволу дерева, боясь проявить малѣйшій шорохъ. Почти вслѣдъ за коровой громадный темный медвѣдь вывалилъ изъ лѣса съ противоположной опушки и на четверинкахъ кинулся за животнымъ. Дарьѣ онъ казался катящеюся мохнатою массой. Женщина совсѣмъ ушла въ хвойныя вѣтви, выставивъ только голову для наблюденія. Въ нѣсколько мгновеній преслѣдователь догналъ бѣглянку и тяжелая медвѣжья лапа налегла на спину животнаго; животное шарахнулось въ сторону и вырвалось, клочекъ кожи, задранный съ мясомъ, повисъ на боку, кровь струилась изъ раны.

«Мѣтка!» подумала полѣсовщица и продолжала испуганно смотрѣть. Злобный ревъ голоднаго звѣря эхомъ прокатился по лѣсу. Медвѣдь всталъ на заднія лапы, расправилъ когти переднихъ и снова грохнулся на четверинки. Черезъ минуту обѣ его переднія лапы вонзились въ задъ жертвы. Напрягая всѣ силы, корова медленно продолжала путь, таща за собою звѣря, заднія лапы котораго бороздили грязь. Пенекъ, попавшійся по дорогѣ, разомъ покончилъ все. Когти задней ноги медвѣдя вонзились въ этотъ пенекъ и жертва была мигомъ остановлена. Загривокъ животнаго былъ разорванъ на двое—то обычный маневръ медвѣдя къ прекращенію дальнѣйшаго бѣгства жертвы. Предсмертное мычаніе упавшей коровы было похоже на стоны...

Дарья углубилась въ опушку и осторожно, затаивъ дыханіе, боясь произвести малѣйшій шорохъ, стала спускаться съ горы по направленію къ Каменкѣ.

— Теперь не замѣтитъ, не тронетъ! твердила она, прислушиваясь къ тихому рычанію звѣря, ясно выражавшему довольство, даже наслажденіе,—только бы не подумалъ, что помѣшать хочу.

Женщина благополучно миновала мѣсто, гдѣ происходилъ пиръ «царя павдинскаго камня» и вышла на дорогу за поворотомъ, уже въ виду «Каменки». Повернувшаяся къ ней изба дяди Перфила, дала прежнее направленіе мыслей Дарьи. Но ясно вставшее въ воображеніи лицо «баскова» вскорѣ вдругъ затмилось могучею фигурою Феклы и злобою блеснули глаза полѣсовщицы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Дамьянъ Цапенко.

Разсказъ **В. Оконьскаго.**

(*Окончаніе.*)

Наконецъ, наступилъ этотъ желанный день. Капитанъ позвалъ ефрейтора и сказалъ ему, что, выслуживъ свой срокъ, Цапенко имѣетъ право оставаться на службѣ или выйдти въ отставку. Цапенко, конечно, просилъ объ отставкѣ. Снявъ мундиръ, Цапенко одѣлъ статское платье и въ этомъ облаченіи пжесмыкскаго гражданина онъ испыталъ точно такое же чувство, какое испытываютъ ученики, только что распрощавшіеся со школою на всегда: ему стало какъ-то особенно весело, а между тѣмъ въ его сердцѣ поселилась какая-то тревога, тревога самаго обыкновеннаго свойства: можно-ли ему будетъ жить вольною птицей? Вопросъ этотъ, какой бы ни былъ важности, и какія бы не представляло трудности его рѣшеніе, въ данную минуту не могъ занимать эксъ-ефрейтора. Одѣвши крахмальную съ манишкою, вышитою какими-то красными и синими нитками, рубашку, сюртукъ особеннаго провинціально-пжесмыкскаго покроя и фантастической формы фуражку, нашъ герой посмотрѣлъ въ зеркало и остался собою доволенъ. Онъ считалъ долгомъ во всей красѣ новаго своего облаченія предстать передъ невѣстой. Цапенко сейчасъ же къ ней и отправился. Этотъ день былъ днемъ сильныхъ ощущеній для нашего малороса, а сильнѣйшее изъ нихъ ожидало его еще впереди. Онъ ужь подходилъ къ квартирѣ Мотылинскихъ, какъ вдругъ увидѣлъ приближающагося къ нему Табора, котораго не видѣлъ ужь нѣсколько недѣль. Холодная и непріятная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу во всѣхъ направленіяхъ. Хлѣбный торговецъ былъ для нашего героя настоящимъ упыремъ, кровопійцей, а теперь онъ показался ему еще страшнѣе, такъ какъ не боялся ужь болѣе его ефрейторской власти. По мѣрѣ того, какъ два противника приближались другъ къ другу, лица ихъ все болѣе и болѣе измѣнялись, принимая грозный видъ.

— Гитъ, гитъ, господинъ Поймайко, первый отозвался Таборъ, иронически улыбаясь. Право, настоящій пжесмыкскій консулъ. Правда-ли, что вы у насъ останетесь и даже садъ хотите купить?

— А вамъ какое дѣло? грозно проговорилъ Цапенко.

— Ну, я бы хотѣлъ только узнать, что вы теперь ловить будете?

— Я тебя вотъ схвачу за твою презрѣнную харю, если хочешь знать, крикнулъ эксъ-ефрейторъ и быстрымъ движеніемъ намѣревался исполнить сказанное. Къ счастью, Таборъ успѣлъ отскочить.—Подожди, хоть и безъ мундира, а такъ таки поймаю тебя когда-нибудь съ товаромъ!

Это былъ второй взрывъ гнѣва Цапенки во все время его борьбы съ Таборомъ. Благодаря этому взрыву, онъ вошелъ въ комнату своей невѣсты съ веселымъ видомъ, чего, по всей вѣроятности, никто не ожидалъ послѣ подобной встрѣчи.

— Но прошу мнѣ откровенно сказать, что я собою хорошъ теперь, обратился онъ весело къ Гортензіи.

Барышня посмотрѣла на него изъподлобья и, какъ-то странно улыбнувшись, отвѣтила:

— Вамъ гораздо лучше въ мундирѣ; въ этомъ платьѣ вы похожи на сапожника.

— Лишь бы на красиваго сапожника, тогда не бѣда-съ. Но, барышня моя, голубушка, съ сегодняшняго дня я, какъ видите, начинаю жить вольною птицею; пора ужь подумать о нашемъ хозяйствѣ. Домъ, двѣ коровушки, трое поросятъ, десять ульевъ и садъ — вотъ что есть ужь у насъ!

— Э, что вы толкуете, вѣдь нельзя же съ этого существовать!

— Не бойтесь, не бойтесь, мой ангелъ, у меня еще есть пятьдесятъ цѣлковыхъ, а тамъ и больше найдется.

— Ну, ужь извините, я богатымъ не хочу кланяться, если сама могу быть богатою. Гдѣ же я буду жить? Въ этой развалинѣ, въ которой даже и стула-то нѣтъ?

— Купимъ стулъ.

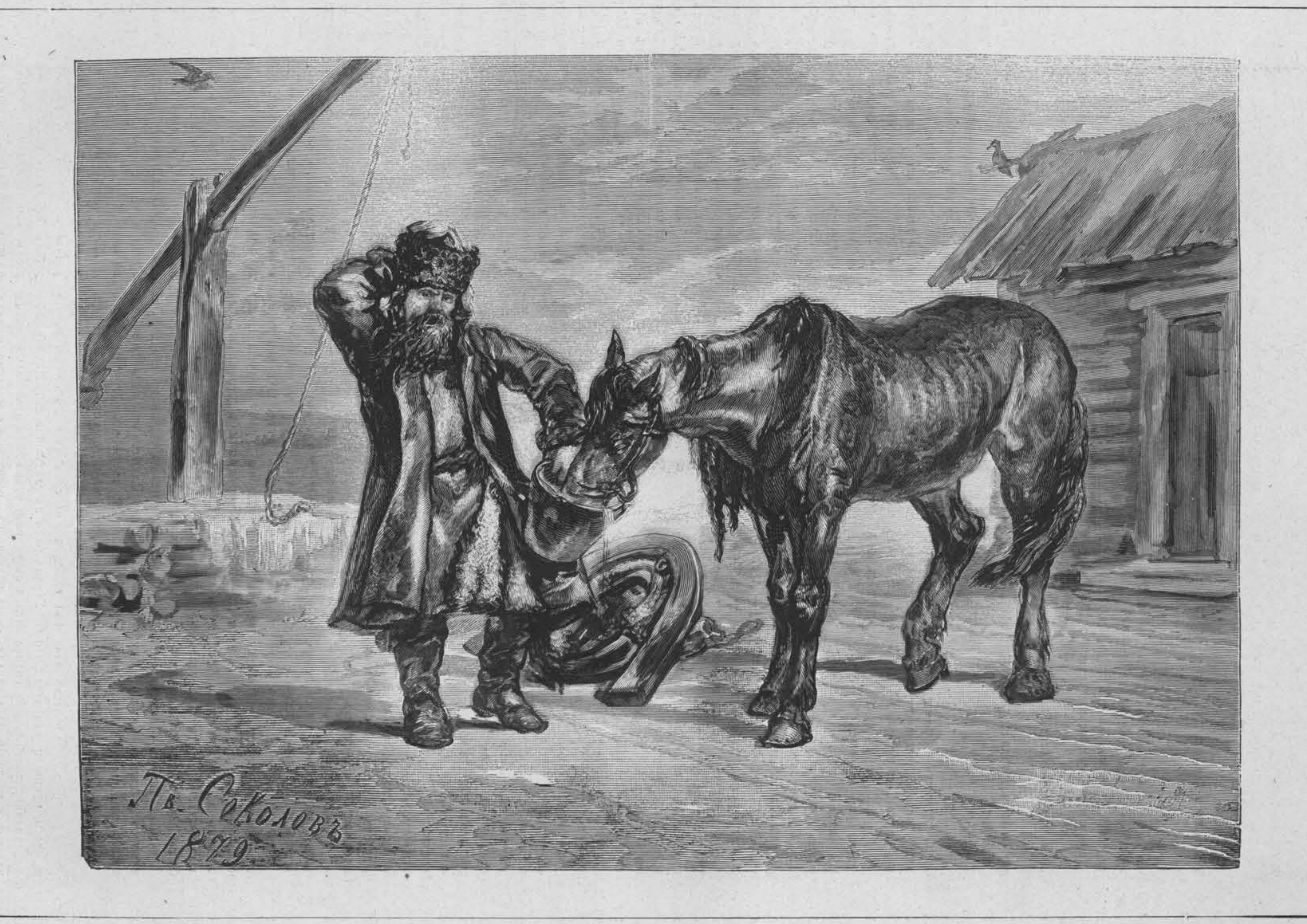
— Да что вы со своимъ стуломъ? Мнѣ мебель нужна, мебель, понимаете?

— Будетъ и мебель.

Откуда ему взять мебели, по правдѣ сказать, Цапенко не зналъ. Онъ немного по солдатски принимался за разрѣшеніе важнаго вопроса своей жизни, не много обращая вниманія на необходимыя матеріальныя условія. Цапенко думалъ и мечталъ только объ одномъ: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, работать и завоевать себѣ независимое положеніе. Невѣста же его со своей стороны усердно работала, чтобъ охладить горячую его любовь. Это одно лежало темнымъ пятномъ на свѣтломъ горизонтѣ будущаго, о которомъ мечталъ безпрестанно Цапенко.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА АКАДЕМИКА ПАВЛА СОКОЛОВА.

Ямщикъ.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи г. Лаптева, въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

— Мать что-то медлитъ пріѣздомъ, проговорилъ онъ грустно,—я думалъ, что она раньше пріѣдетъ и кое что привезетъ.

— Вотъ какъ я получила арбузы!

— Чѣмъ же я виноватъ? оправдывался Цапенко.—Какъ же намъ быть, сударыня моя?

— Во первыхъ, вы должны домъ, какъ слѣдуетъ, устроить — это ваше дѣло. Чтобы были цвѣты, занавѣси, зеркало...

— Все будетъ, машинально сказалъ Цапенко и вышелъ.

Онъ отправился къ Бжосту.

Бжостъ былъ въ саду: онъ гулялъ и въ тоже время осматривалъ фруктовыя деревья. Замѣтивъ идущаго по алеѣ Цапенко, Бжостъ долго присматривался къ его костюму и сказалъ, наконецъ:

— Вотъ тебѣ и франтомъ сталъ? Что сіе значитъ?

— Въ отставку вышелъ, кланяясь, отвѣтилъ пжесмыкскій гражданинъ.

— Ѣдешь на родину?

— Останусь здѣсь.

— Чтожь дѣлать, дуракомъ былъ—дуракомъ останешься. Что же теперь задумываешь дѣлать?

— Я къ вамъ, баринъ, съ просьбою... Продайте садъ.

— Да вѣдь сидишь же въ немъ. Чего тебѣ еще надо? Я вѣдь сказалъ тебѣ, что продамъ, но въ день свадьбы... Раньше и не проси. Авось еще раздумаешь... Не хочу приковывать тебя къ мѣсту. А въ концѣ концовъ, что ты вздумалъ скрытничать предо мною? Я вѣдь также хорошо знаю, какъ и ты, что денегъ у тебя нѣтъ и на первое время даже не хватитъ. Чего же ты присталъ ко мнѣ? Тебѣ хочется непремѣнно отдать мнѣ послѣдніе гроши? Живи пока въ той хижинѣ, какая она тамъ есть, посѣй что-нибудь, свези улья, заведи пчелъ, ты вѣдь ихъ купилъ, ну, понравится здѣсь жить—тогда поговоримъ. Слушай, Цапенко, продолжалъ Бжостъ, — Мотылинскіе почти что ничего не дадутъ дочери, одна земля и улья васъ не прокормятъ нужно подумать о заработкѣ. Вотъ что, братъ. Ты человѣкъ разсудительный и честный, это я знаю, ну, и возьмись посредничать при продажѣ хлѣба иностраннымъ купцамъ, за это они тебѣ дадутъ извѣстный процентъ. На первыхъ порахъ будешь моимъ агентомъ; надѣюсь, что и другіе помѣщики охотно согласятся...

Какой-то ослѣпительный блескъ облилъ очарованнаго этими словами малороса. По крайней мѣрѣ, онъ былъ готовъ за это ручаться. Вновь испеченный пжесмыкскій гражданинъ стоялъ передъ Бжостомъ съ полуоткрытымъ ртомъ, со слезами на глазахъ и не могъ ни одного слова проговорить... Черезъ минуту онъ бросился къ рукѣ Бжоста и горячо сталъ ее цѣловать.

— Благодѣтель мой, проговорилъ онъ, задыхаясь отъ радости,—отецъ родной...

— Ай, да ты, какъ видно, настоящая баба. За что тутъ благодарить? Я за тебя работать вѣдь не буду. Лучше, братъ, подумай хорошенько. Былъ давеча у меня Таборъ — онъ до сихъ поръ хлѣбъ скупаетъ у нашего брата, я ему сказалъ, что отнынѣ ты будешь хлѣбъ у меня покупать. Смотри же, чтобъ я не постыдился своего агента.

Цапенко не могъ говорить, онъ только кланялся, обтиралъ слезы рукою и улыбался. Это была самая отрадная минута его жизни, полная заманчивыхъ надеждъ и мечтаній. Онъ уходилъ отъ Бжоста внѣ себя отъ радости. Какъ легко было у него на душѣ, какъ отрадно—это пойметъ только тотъ, кому послѣ долгихъ поисковъ за кускомъ насущнаго хлѣба удалось, наконецъ, добыть себѣ работу. Этого чувства, которое всецѣло поглощало эксъ-ефрейтора въ эту минуту, никто больше не можетъ понять. Для нашего малороса, который, въ сущности, не придумалъ себѣ никакого средства къ жизни, каждый проэктъ, даже такой несбыточный, какъ Бжоста, казался не только доскою, но цѣлымъ кораблемъ спасенія. Только неопытности Бжоста и доброму его сердцу слѣдуетъ приписать неосуществимый проэктъ образа жизни, придуманный для нашего героя. Гдѣ же ему, неопытному, незнакомому даже съ азбукою торговли выдержать конкуренцію, вѣрнѣе, борьбу съ Таборомъ и ему подобными?!.

Черезъ полчаса вся деревня только и говорила, что о новомъ образѣ жизни эксъ-ефрейтора. Таборъ еще ранѣе другихъ зналъ объ этомъ. Когда ему говорили объ этомъ, онъ замѣчалъ:

— Пусть... Я буду его компсантомъ!

На слѣдующій день послѣ этого происшествія, долженствующаго составить начало новой эры въ жизни Дамьяна, Таборъ получилъ разрѣшеніе капитана на переходъ за границу. Въ этомъ же мѣстѣ, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ лежалъ Постулка, онъ его встрѣтилъ и сегодня.

— А что-жь? Цапенко заживетъ въ Пжесмыкѣ на славу; онъ купилъ садъ у Бжоста и обѣщаетъ солдатамъ помогать насъ ловить.

Постулка слушалъ молча.

— На томъ же мѣстѣ, на которомъ убилъ твоего сына, онъ будетъ сажать теперь картофель.

— А развѣ это онъ убилъ моего сына? Навѣрное, знаете?

— Еще бы... Я потянулъ солдатъ за языкъ... все сказали.

— А разбойникъ! проговорилъ Постулка.

— А развѣ онъ только этой одной пулей убивалъ? Много ихъ было, прибавилъ Таборъ.

Оба замолчали.

— Своему брату уступить еще куда ни шло, началъ разсуждать торговецъ,—но не такому калмыку, котораго съ конца свѣта пригнали сюда. Добрымъ людямъ хлѣбъ изо-рта вынимаетъ, даже тогда, когда самъ кушать не можетъ. Развѣ мы ѣздимъ на Украину? Сказали-ли мы когда-нибудь: поѣдемъ на Украину заниматься пчеловодствомъ? А если бы мы явились тамъ, онъ первый оралъ бы во все горло, что это его родина. Его родина вездѣ, гдѣ ему угодно поставить свое корыто. Знаешь, онъ будетъ хлѣбомъ торговать.

— А деньги есть у него?

— Мало наворовалъ нашего товара? Онъ говоритъ, что пока Постулка живъ — съ голоду не умирать.

— Вмѣстѣ не умремъ, угрюмо произнесъ контрабандистъ, отправляясь съ Таборомъ въ деревню.—Что онъ теперь дѣлаетъ?

— Днемъ и ночью заборъ дѣлаетъ у своего сада. И въ праздники... Ты думаешь, онъ христіанинъ? Ай-да. Онъ къ священнику ходитъ къ исповѣди, а съ чортомъ дружбу ведетъ. Поетъ какія-то пѣсни дьявольскія, а утромъ каждый день землю цѣлуетъ. Онъ погубитъ когда-нибудь нашу деревню. Вчера вечеромъ стоялъ въ саду и что-то бормоталъ, глядя на луну.

Таборъ и Постулка подходили къ деревнѣ. И теперь видѣлъ ихъ Цапенко изъ окна своей хижины, построенной на небольшомъ возвышеніи, но они его теперь не интересовали. Ему теперь какое до нихъ дѣло? Онъ только и думалъ о своемъ хозяйствѣ, о будущемъ своемъ счастьи.

Утромъ рано на слѣдующій день Цапенко поднялся съ постели чуть свѣтъ и пошелъ осматривать недавно имъ посаженныя молодыя фруктовыя деревья. У забора стоялъ солдатъ, который передалъ нашему герою письмо отъ матери. Цапенко, дрожа всѣмъ тѣломъ, началъ читать письмо. Какое счастье! Мать писала, что все ужь продала и черезъ два дня будетъ въ Пжесмыкѣ съ арбузами. Она просила своего «сокола Дамьяна», чтобы онъ за ней послалъ лошадей на станцію. Какъ не подѣлиться такимъ извѣстіемъ съ дорогою невѣстою? Цапенко побѣжалъ къ ней. Но то, что приводило въ восторгъ жениха, невѣстѣ показалось совсѣмъ обыкновеннымъ и простымъ.

— Я думала, что ваша мамаша не будетъ такъ любезна! замѣтила Гортензія.

— Но, дорогая моя, мой ангелъ, радостно воскликнулъ Цапенко,—теперь все готово, все кончено... Можемъ сыграть свадьбу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нечего торопиться.

— Я не хочу ждать.

— Но я хочу, рѣшительно сказала Гортензія.

Цапенко покорился ея волѣ и грустный воротился домой. Домъ его понемногу принялъ довольно изящный видъ: въ квартирѣ была необходимая мебель. Въ одной комнатѣ были занавѣси, цвѣты и зеркало, не говоря о томъ, что у стѣны стоялъ новенькій комодъ, надъ которымъ красовалась фотографическая карточка Гортензіи; она была одѣта въ какое-то пестрое платье, а на рукахъ имѣла длинныя перчатки, на которыхъ ярко выдѣлялись три кольца съ особенно большими разноцвѣтными камнями. Еще Цапенко не успѣлъ переодѣться, когда служанка Мотылинскихъ принесла ему записку отъ «барышни». Гортензія увѣдомляла своего обожателя, что она покоряется своему отцу и соглашается въ скоромъ времени отдать руку и сердце господину Дамьяну Цапенко.

Ну, слава Богу, теперь ни въ чемъ ужь больше не нуждался Цапенко. Онъ былъ счастливъ, безконечно счастливъ. Во-первыхъ, у него завелось свое хозяйство, во-вторыхъ досталъ работу —шутка-ли?—агентъ Бжоста, въ-третьихъ, наконецъ, онъ въ скоромъ времени будетъ мужемъ своей возлюбленной Гортензіи. Чего еще? Ничего, ничего больше онъ и не хотѣлъ, ни о чемъ больше не мечталъ. Весь день онъ пѣлъ и работалъ въ саду. Ночь застигла его за работою, а онъ все пѣлъ, работалъ безъ устали, размышляя о будущемъ счастіи. А будущее манило его всевозможными цвѣтами полнаго счастія, спокойствія и любви, какъ будто взяло на прокатъ всѣ цвѣта у платьевъ барышни Мотылинской, будущей мадамъ Цапенко. Цапенкѣ казалось, что и отецъ его воскресъ и любуется счастіемъ своего сына.

Эксъ-ефрейторъ принимался за послѣднее дерево, когда до него долетѣлъ какой-то крикъ, топотъ лошадей и призывы солдатъ. Цапенко догадался, что дѣло происходило на границѣ.

Привыкшій во время службы къ подобнымъ крикамъ, Цапенко невольно захотѣлъ помочь бывшимъ своимъ сослуживцамъ. Машинально онъ вошелъ въ кусты, окружающіе садъ... Въ эту же минуту въ кустахъ раздался выстрѣлъ. Цапенко крикнулъ и упалъ мертвый. На выстрѣлъ сбѣжалось нѣсколько солдатъ. Кто выстрѣлилъ въ этомъ мѣстѣ, отдаленномъ отъ тропинки, по которой какой-то мужчина съ порожнимъ мѣшкомъ хотѣлъ нарочно всѣхъ солдатъ натравить на себя почему убили дѣльнаго Дамьяна — этого никто не зналъ; даже Таборъ, сидѣвшій въ это время передъ своимъ домомъ на крыльцѣ, ничего не зналъ.

Когда мать пріѣхала съ арбузами, Цапенко везли на кладбище. За гробомъ шло нѣсколько человѣкъ друзей покойнаго, между которыми можно было видѣть Табора. Онъ былъ здѣсь нуженъ; кто съумѣлъ-бы утѣшать барышню Гортензію Мотылинскую, которая надъ могилою пролила много слезъ, а на обратномъ пути домой ни слова не дали ей выговорить постоянные вздохи? Что однако удивляло всѣхъ, такъ это присутствіе Бжоста на похоронахъ. Когда засыпали могилу, онъ долго еще стоялъ на кладбищѣ и смотрѣлъ пристально въ какую-то точку за пограничною чертой. Тамъ, гдѣ-то вдали лежалъ

человѣкъ въ австрійской фуражкѣ и, казалось, смотрѣлъ на похороны..

— Бѣдный Цапенко, ты хотѣлъ быть моимъ братомъ и съ нами работать—я это тебѣ прощаю.

Драмы въ воздухѣ.

В. Фонвіеля.

(*Продолженіе.*)

IV.

Побѣда надъ воздухомъ.

Въ нашемъ трудѣ не будетъ мѣста разбору смѣшныхъ, нераціональныхъ проектовъ, имѣвшихъ прямою цѣлью побѣдить тяжесть и утвердить то знаменитое «право на полетъ», которое всегда примыкало къ праву на неподвижность. Нельзя въ нашемъ короткомъ очеркѣ останавливаться ни на одной изъ многочисленныхъ попытокъ, сдѣланныхъ надъ газами «болѣе тяжелыми, чѣмъ воздухъ». Хотя изобрѣтатели, посвятившіе свою жизнь на достиженіе этой химеры, не разъ проявляли несомнѣнные признаки геніальности, мы должны причислить ихъ къ разряду мечтателей, стремящихся къ разрѣшенію квадратуры круга и вѣчнаго движенія.

Не таковы тѣ, которые поставили себѣ задачей сопротивляться до извѣстной степени вѣтрамъ, употребляя въ пользу естественную поддержку, находимую ими въ воздухѣ. Но какъ ни многочисленны подобные проекты, попытокъ въ этомъ родѣ, заслуживающихъ вниманія, очень немного. Изобрѣтатели такихъ системъ, подобно знаменитому Петерсу, ограничиваются, большею частью, одними разсужденіями, не пытаясь дѣлать практическихъ примѣненій. Мы знали лично одного изобрѣтателя; онъ провелъ всю жизнь въ распространеніи по ту и другую сторону океана фотографій особеннаго шара-тонеля, двигающагося вокругъ летящей оси, въ которомъ путешественники запирались, какъ бѣлки въ клѣткѣ. Другой изобрѣтатель каждую весну открываетъ періодическую выставку, въ которой показываетъ публикѣ безобразное и смѣшное собраніе предметовъ, непріятно поражающихъ зрѣніе и идущихъ въ разрѣзъ съ основными законами механики. Мы могли бы указать на третьяго, честнаго и трудолюбиваго человѣка, который употребляетъ всѣ свои сбереженія на постройку управляемаго шара, но онъ высчитываетъ вѣсъ всегда такимъ страннымъ способомъ, что никакъ не можетъ подняться въ непослушный воздухъ, о побѣдѣ надъ которымъ мечтаетъ. И, почти достигнувъ старости, онъ ни разу бы не поднялся надъ землей, еслибы Жифаръ не прислалъ ему въ прошломъ году билета на поднятіе въ воздушномъ шарѣ на привязи.

Нѣкоторыя изъ попытокъ управленія шаромъ сопровождались чрезвычайно трогательными обстоятельствами. Исторія нашихъ драмъ въ воздухѣ была бы не полна, если бы мы не указали на главнѣйшія изъ нихъ.

По мѣрѣ развитія осады Парижа, прусская армія занимала все болѣе и болѣе обширный районъ во Франціи. Морозы увеличивались, бомбардировка усиливалась, запасы хлѣба уменьшались, увѣренность осажденныхъ колебалась и число голубей, поддерживавшихъ сообщеніе громадной столицы съ остальною Франціей, становилось все ограниченнѣе. Необходимость организовать воздушное сообщеніе чувствовалась сильнѣе, настоятельнѣе, неотложнѣе. Постройка такъ называемаго управляемаго шара, начатая Дюпюи-де-Ломомъ, велась крайне медленно. Адмиралъ Лабрустъ, изобрѣтатель судовъ съ тараномъ, предложилъ правительству національной обороны примѣнить къ обыкновенному шару систему управленія, состоящую изъ двухъ винтовъ большого діаметра, помѣщенныхъ съ каждой стороны лодки и приводимыхъ въ движеніе четырьмя матросами. Хотя этотъ планъ противорѣчилъ законамъ физики, онъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ и одобренъ академіей наукъ.

9 января, въ половинѣ четвертаго утра, со станціи Орлеанской желѣзной дороги былъ пущенъ шаръ «Дюкенъ» съ экипажемъ изъ 4-хъ человѣкъ подъ командою Ришара, ремесломъ часовщика, теперь возведеннаго въ званіе боцмана. Эли де-Бомонъ, безсмѣнный секретарь академіи наукъ, со многими изъ своихъ товарищей присутствовалъ при этомъ раннемъ полетѣ. Всѣ единогласно объявили, что шаръ достаточно поднялся до области вѣтровъ и можно быть увѣреннымъ, что онъ достигнетъ Швейцаріи. Въ дѣйствительности же матросы и боцманъ Ришаръ не замедлили почувствовать безплодность своихъ усилій. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ только быстрое круговращеніе, они рѣшились дожидаться разсвѣта и тогда предпринять что нибудь для своей безопасности и возможности опуститься на землю.

Едва они увидѣли первые солнечные лучи 10 января, они привѣтствовали ихъ новыми усиліями, столь же безполезными какъ и первые повороты колеса. Наконецъ, завидѣвъ вдали огни большого города, они стали спускаться, прежде всего снявъ изъ предосторожности колеса, сообразно съ данными указаніями. Но строители шара забыли научить ихъ, какъ надо снимать ось, проходящую подъ дномъ лодки, съ каждой стороны которой выставлялся желѣзный стержень. Такъ какъ дулъ очень сильный вѣтеръ, лодка накренилась и опрокинулась такъ быстро, что боцманъ Ришаръ упалъ безъ движенія и былъ увлеченъ, какъ безжизненное тѣло, въ захватывающемъ духъ паденіи.

Крестьяне, видѣвшіе шаръ, бросились къ нему на встрѣчу и успѣли задержать его, ухватившись за снасти. Оказалось, что наши воздухоплаватели опустились въ окрестностяхъ Реймса, города, занятаго сильной прусской арміей. Крестьяне дали матросамъ блузы, а тѣ, обыскавъ карманы своего командира, чтобы взять депеши, и считая его мертвымъ, отдали его часы и деньги одному изъ крестьянъ для передачи мэру г. Реймса, сами же скрылись въ лѣсу. Но когда крестьяне возвратились, чтобы наскоро похоронить боцмана Ришара и скрыть такимъ образомъ трупъ его отъ пруссаковъ, они замѣтили, что онъ еще дышетъ. Шаръ "Дюкенъ" спрятали подъ хворостомъ, а несчастнаго капитана унесли въ реймскій госпиталь, гдѣ онъ скоро выздоровѣлъ.

Замѣчательный опытъ въ гиподромѣ Елисейскихъ полей былъ не единственнымъ, производя который, Гапри Жифаръ, этотъ знаменитый инженеръ, рисковалъ своей жизнью. Поднятіе въ 1855 году на Курсельскомъ заводѣ сопровождалось чрезвычайно драматическими обстоятельствами. Желая располагать средствами, который дали бы ему возможность противустоять бурѣ, Гапри Жифаръ довелъ удлиненіе своего шара до крайнихъ предѣловъ возможности. Рѣшившись рискнуть всѣмъ, чтобы достичь болѣе осязательнаго успѣха, чѣмъ въ предшествовавшемъ поднятіи, онъ помѣстилъ на одномъ уровнѣ съ клапаномъ длинный шестъ, который долженъ былъ замѣнять кругъ. Хотя вмѣстимость аэростата была не болѣе 3,200 кубическихъ метровъ, Жифаръ могъ взять съ собой помощника Габреля Іона, молодого человѣка, помогавшаго ему при устройствѣ сѣти, который съ того времени сталъ его ученикомъ и впослѣдствіи былъ однимъ изъ распорядителей по управленію воздушнымъ шаромъ на привязи, покончившимъ такъ печально свое существованіе.

Вѣтеръ дулъ съ такой же силой, какъ во время поднятія въ гиподромѣ. Но въ этотъ разъ машина была сильнѣе, удлиненіе шара отважнѣе и аэростатъ держался, великолѣпно сопротивляясь давленію воздуха. Желая непремѣнно идти противъ бури, Жифаръ развелъ чрезвычайно сильный огонь. Давленіе въ паровикѣ быстро возросло.

Побѣда! шаръ продолжалъ сопротивляться, хотя вѣтеръ перешелъ въ настоящій ураганъ. Можно было подумать, что храбрый воздушный корабль одушевленъ волею человѣка, управлявшаго имъ; онъ прыгалъ и дѣлалъ самостоятельныя усилія, чтобы способствовать побѣдѣ человѣческаго генія надъ грубыми силами природы. Большая горизонтальная ось начала склоняться, какъ гигантскій маятникъ; колебанія замѣтно увеличивались. Заботясь лишь о томъ, чтобы привести скорѣе свой проектъ въ исполненіе, изъ боязни увеличить тяжесть своего воздушнаго корабля, которому онъ далъ очень слабые размѣры, Жифаръ упустилъ изъ виду много важныхъ вопросовъ. Онъ не позаботился о сохраненіи формы, что составляетъ задачу первой важности. Каждый разъ какъ ось шара наклонялась, газъ скоплялся въ верхней оконечности, такъ что склоненіе, сначала легкое, становилось громаднымъ. Каждую минуту новое количество водорода скоплялось въ оконечности, обращенной къ верху. Скоро наши воздухоплаватели замѣтили, что нижняя часть шара опустилась ниже уровня лодки. Они уже слышали трескъ сѣти, скрѣпленной только каучукомъ. Скоро она соскользнетъ съ выпуклой спины аэростата, увлекая въ своемъ паденіи обоихъ воздухоплавателей, лодку, паровикъ, печку и паровую машину.

Къ счастію, Жифаръ понялъ угрожающую опасность. Въ борьбѣ съ ураганомъ онъ не упустилъ изъ виду средства спасенія. Онъ во время открылъ отверстіе клапана. Склоненіе увеличивалось, трескъ усиливался, но аэростатъ быстро опускался по кривой линіи къ землѣ. Треніе о нижнюю часть полушарія не допустило его стать на дыбы на манеръ бѣшеной лошади, подымающейся на заднія ноги: лодка ударилась о землю почти одновременно съ нижнею частью. Ударъ о матерію и шестъ былъ чрезвычайно силенъ. Шаръ мгновенно перервался поперекъ на двѣ половины; верхняя часть устремилась въ воздухъ, какъ громадная конгревовская ракета. Она описала исполинскую параболу и упала въ полѣ въ трехстахъ метрахъ разстоянія.

Жифаръ и его помощники остались живы и невредимы посреди обломковъ ихъ воздушнаго корабля, часть котораго скрылась отъ нихъ въ воздухѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Изобрѣтенія и открытія.

Ст. Л. М. Невольскаго.

(Открытія въ области химіи. — Новые металы. — Сложность галлоидовъ. — Акустическій калейдоскопъ.—Новости морскаго дѣла.—Предохранительная буссоль —Новый маякъ.—Автоматическій свистокъ Бодвиля.—Оптическіе сигналы Пинга.—Статистика несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ Англіи въ 1878 г. — Пневматическій тормазъ Вестингауза. — Тормазные апараты Смидта и Венгера.—Плавленіе металовъ безъ огня.—Палеонтологическія открытія.)

Современная химія переживаетъ кризисъ, въ исходѣ котораго предвидится коренная реформа въ дальнѣйшемъ развитіи химическихъ знаній. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводятъ результаты многочисленныхъ работъ различныхъ ученыхъ въ области главнѣйшаго вопроса химіи, касающагося количества и природы химическихъ элементовъ. Замѣчательно, что работы эти идутъ въ двухъ діаметрально противуположныхъ направленіяхъ: съ одной стороны, рядъ болѣе или менѣе вѣскихъ научныхъ данныхъ въ пользу уменьшенія числа признаваемыхъ нынѣ элементовъ путемъ доказательствъ ихъ химической сложности; съ другой—подобный

РУССКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

КАРТИНА АКАДЕМИКА ПАВЛА СОКОЛОВА.

Сестра милосердія.

По фотографіи г. Лаптева рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КУРЦБАУЕРА.

Игроки. Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

же рядъ открытій новыхъ химически-простыхъ тѣлъ. Хотя по имѣющимся даннымъ трудно предвидѣть какъ характеръ этой реформы, такъ равно и конечный результатъ, къ которому приведутъ эти работы, но, имѣя аналогію въ великомъ законѣ единства физическихъ силъ, разсматриваемыхъ теперь какъ родъ движенія, скорѣе можно склониться на сторону низведенія ряда химически-простыхъ тѣлъ къ одному или къ нѣсколькимъ основнымъ элементамъ изъ числа уже извѣстныхъ, или, быть можетъ, еще даже и не открытыхъ.

Открытіе новыхъ химическихъ элементовъ идетъ путемъ спектральнаго анализа. Какъ извѣстно, сущность спектральнаго анализа заключается въ томъ, что при сжиганіи какого-нибудь химическаго тѣла въ спектрѣ получающагося при этомъ пламени замѣчаются характерныя для каждаго элемента полоски, по количеству которыхъ, ихъ цвѣту, виду и мѣсту расположенія заключаютъ о химическомъ составѣ сжигаемаго тѣла. Если при опытахъ со спектроскопомъ получаются такія линіи въ спектрѣ, которыя до сихъ поръ не были извѣстны, то изъ этого заключаютъ о присутствіи въ сжигаемомъ тѣлѣ новаго элемента и стараются доказать это предположеніе посредствомъ выдѣленія химическимъ путемъ предполагаемаго элемента изъ его соединеній. Такимъ образомъ, Лекокъ де-Буабодранъ, изслѣдуя спектроскопомъ минералъ самарскитъ, нашелъ въ спектрѣ неизвѣстныя до сихъ поръ двѣ голубыя полоски, которыя онъ приписалъ находящемуся въ самарскитѣ новому металу, названному имъ самаріумомъ. Въ томъ же минералѣ Деляфонтенъ открылъ присутствіе двухъ другихъ элементовъ, которые онъ окрестилъ филиппомъ и десиппомъ. Точно также Мариньякъ открылъ металъ итербій въ минералѣ гадолинитѣ, а Клевъ—тулліумъ и гольміумъ. Впрочемъ, относительно открытыхъ Клевомъ металовъ, Соре въ своемъ сообщеніи парижской академіи наукъ дѣлаетъ вѣскія возраженія, справедливо замѣчая, что пока не удалось выдѣлить открытые металы изъ ихъ соединеній, до тѣхъ поръ слѣдуетъ считать преждевременнымъ опредѣленіе химическихъ свойствъ туллія и гольмія, основанное исключительно на показаніяхъ спектральнаго анализа. Гораздо болѣе научныхъ данныхъ представилъ Даль, открывшій въ мышьяковыхъ соединеніяхъ никеля, мѣди и желѣза новое простое тѣло норвегіумъ. Элементъ этотъ открытъ безъ помощи спектроскопа, легко возстановляется изъ окиси помощью угля или водорода и въ химическомъ видѣ представляется металомъ бѣлаго цвѣта, довольно ковкимъ, обладающимъ твердостью мѣди и легко растворимымъ въ азотной кислотѣ. Наконецъ, Нильсонъ въ минералѣ итербитѣ открылъ новый металъ скандіумъ, причемъ замѣчателенъ тотъ фактъ, что существованіе открытаго Нильсономъ тѣла гораздо раньше было констатировано путемъ чисто-теоретическихъ соображеній: проф. Менделѣевъ въ своемъ изслѣдованіи о законѣ періодичности сдѣлалъ предположеніе, что долженъ бы существовать металъ съ атомнымъ вѣсомъ 44, и даже проектировалъ для него названіе экабора. Предположеніе это теперь оправдывается свойствами скандія, близко подходящими къ теоретическому опредѣленію.

Но если съ одной стороны число химическихъ элементовъ постоянно увеличивается, то съ другой—является болѣе или менѣе основательное сомнѣніе относительно природы уже давно извѣстныхъ элементовъ. Къ такимъ выводамъ пришли братья Карлъ и Вікторъ Мейеры въ своихъ изслѣдованіяхъ плотностей различныхъ газовъ. Извѣстенъ законъ, по которому при одинаковыхъ давленіи и температурѣ равные объемы паровъ или же газовъ заключаютъ въ себѣ равныя количества частицъ; отсюда же выводится другой законъ: частичный вѣсъ извѣстнаго газа равняется двойной плотности того же газа. На этихъ положеніяхъ зиждется современная химическая теорія и потому результаты работъ братьевъ Мейеровъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Изслѣдуя изобрѣтеннымъ ими, весьма точнымъ, способомъ плотности паровъ различныхъ химическихъ тѣлъ при различныхъ температурахъ, братья Мейеры нашли, что частичка такихъ элементовъ, какъ кислородъ, азотъ, сѣра и друг. даже при 156° соотвѣтствуютъ приписываемымъ имъ химическимъ формуламъ. Но къ совершенно иному результату привели изслѣдованія плотности хлора. Изъ опытовъ оказалось, что плотность паровъ хлора измѣняется съ измѣненіемъ температуры и его частичный вѣсъ, равный 71 при 600°, выше 1200° равенъ уже 47,3. Изслѣдователи нашли нѣкоторыя аналогическія данныя и для другого галоида — іода и хотя пока воздерживаются окончательно высказывать свои теоретическія по этому предмету соображенія, тѣмъ не менѣе добытые ими результаты даютъ нѣкоторое право разсматривать группу галлоидныхъ элементовъ (хлоръ, бромъ, іодъ и флоръ), какъ тѣла сложнаго состава. Насколько теорія эта окажется достовѣрной — предвидѣть трудно; по мѣрѣ накопленія новыхъ данныхъ мы еще возвратимся къ этому вопросу, конечно, опять-таки къ общимъ выводамъ, а не къ спеціально научной его части, касаться которой мы не можемъ по самому характеру нашей хроники. Здѣсь кстати надо припомнить работы Локіера, который нашелъ, что металы кальцій, кобальтъ, никель, мѣдь и даже золото при различныхъ температурахъ даютъ различныя линіи въ спектрѣ, а слѣдовательно, позволяютъ подозрѣвать сложность ихъ состава или же возможность перехода ихъ въ другія тѣла. Если эти опыты получатъ дальнѣйшее подтвержденіе, то философскій камень средневѣковыхъ алхимиковъ и приписываемая ему чудодѣйственная сила во мнѣніи современной химіи перестанетъ быть эмблемой утопіи и несбыточнаго.

Новое примѣненіе микрофона сдѣлано Монти въ его акустическомъ калейдоскопѣ. Микрофонъ особаго устройства соединяется съ апаратомъ Румкорфа и Гейслеровой трубкой, причемъ въ послѣдней замѣчаются свѣтовыя фигуры, соотвѣтствующія механическимъ вибраціямъ микрофона. Такимъ образомъ, музыкальные звуки и акорды вызываютъ въ трубкѣ соотвѣтственныя, опредѣленной силы и формы, весьма причудливыя для немузыкальныхъ звуковъ свѣтовыя фигуры и можно получить цѣлые свѣтовые гаммы и пассажи, выражающіе качество звуковъ, воспринятыхъ микрофономъ. Примѣняя изобрѣтенный имъ апаратъ къ выслушанію внутреннихъ колебаній земли, Монти нашелъ въ Гейслеровой трубкѣ чрезвычайно своеобразныя свѣтовыя фигуры и надѣется дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ акустическаго калейдоскопа сдѣлать его пригоднымъ для цѣлей подземной метеорологіи, при изслѣдованіяхъ вулканической дѣятельности нашей планеты.

Въ послѣднее время изобрѣтенъ рядъ болѣе или менѣе совершенныхъ и остроумныхъ приспособленій, имѣющихъ назначеніе—возможно болѣе широкое и легкое истребленіе человѣческихъ массъ. Мы увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы умышленно не включимъ въ нашу хронику описанія различныхъ торпедъ, гигантскихъ пушекъ и адскихъ снарядовъ, а займемся описаніемъ ряда изобрѣтеній, направленныхъ къ предотвращенію опасностей для человѣческой жизни. Къ числу такихъ приборовъ слѣдуетъ отнести изобрѣтенную недавно англичанниномъ Северномъ электрическую буссоль, предупреждающую звонкомъ каждый разъ, какъ только корабль уклонится отъ принятаго имъ курса. Звонокъ дѣйствуетъ автоматически и весь приборъ помѣщается въ небольшомъ ящичкѣ, который долженъ находиться въ каютѣ капитана. Положимъ, что корабль, выходя изъ гавани, намѣренъ держаться извѣстнаго направленія. Капитанъ ставитъ стрѣлку буссоли Северна подъ извѣстнымъ угломъ и вмѣсто постояннаго наблюденія, какъ это было до изобрѣтенія буссоли Северна, предоставляетъ контроль апарату, который молчитъ, если корабль идетъ вѣрно, при каждомъ же уклоненіи вправо или влѣво начинается остерегающій звонъ буссоли, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока корабль не войдетъ въ назначенное ему направленіе.

Кромѣ описанной нами предохранительной буссоли морское дѣло обогатилось изобрѣтеніемъ нѣсколькихъ приборовъ, придуманныхъ съ цѣлью уменьшенія несчастныхъ случаевъ крушенія кораблей. Для этой цѣли, какъ извѣстно, на прибрежныхъ скалахъ и меляхъ устанавливаются маяки, образцомъ которыхъ можетъ служить Эддистонскій маякъ (eddy—бурунъ stone—камень), находящійся въ Британскомъ каналѣ, недалеко отъ Плимута. Въ нынѣшнемъ году положено основаніе другому маяку на разстояніи 127 ф. отъ стараго Эддистонскаго маяка; на этомъ маякѣ найдутъ примѣненіе всѣ научныя приспособленія послѣдняго времени. Источникъ свѣта будетъ находиться на высотѣ 130 ф. надъ высшимъ уровнемъ воды, тогда какъ въ теперешнемъ маякѣ онъ поднятъ лишь на 72 фута, чрезъ что область распространенія свѣта вмѣсто прежнихъ 14 расширится до $17\frac{1}{2}$ морскихъ миль. Сооруженіе это сопряжено съ громаднѣйшими техническими трудностями; около 127,000 центнеровъ гранита и 1250 цент. желѣза потребуется на постройку этого фонаря. Мѣсто теперешняго сигнальнаго колокола займетъ могучая сирена, а маякъ будетъ освѣщаться электрическимъ свѣтомъ. Стоимость сооруженія исчисляется въ $1\frac{1}{2}$ мил. руб.

Само собою подобныя дорогія сооруженія не могутъ пользоваться широкимъ распространеніемъ, а потому ощущалась потребность въ болѣе дешевыхъ предохранительныхъ сигналахъ, пригодныхъ для обозначенія опасныхъ пунктовъ вдали отъ берега, на такихъ мѣстахъ, гдѣ поставить маякъ невозможно. До настоящаго времени для обозначенія подводныхъ скалъ, мелей и рифовъ служили обыкновенно плавучіе, ярко окрашенные баканы, прикрѣпленные къ морскому дну, а такъ какъ эти баканы могутъ исполнять свое назначеніе только днемъ и то въ ясную погоду, то на нихъ стали укрѣплять колокола, которые, раскачиваясь силою вѣтра и волнъ, своимъ звономъ предупреждаютъ о грозящей кораблю опасности. Но звукъ колокола легко заглушается могучимъ грохотомъ шторма и потому описанные выше сигналы удовлетворяютъ своему назначенію лишь въ извѣстной степени. Болѣе практичнымъ оказался предложенный Куртенэ де-Бодвилемъ автоматическій свистокъ. Свистокъ этотъ укрѣпленъ на концѣ довольно длинной трубы и издаетъ рѣзкіе звуки, благодаря механическому сгущенію воздуха въ трубѣ, обусловливаемому давленіемъ поднимающихся и опускающихся волнъ. При каждомъ паденіи волны въ трубу врывается новый запасъ воздуха, при каждомъ же поднятіи воздухъ этотъ сгущается и выпирается въ отверстіе свистка. Сила звука зависитъ, слѣдовательно, отъ силы волненія и рѣзкій звукъ свистка покрываетъ собою хаотическій ревъ бури.

Апараты Бодвиля, дѣйствующіе въ Ламаншѣ уже 4 года, оказали много услугъ мореходству, хотя имѣютъ тотъ важный недостатокъ, что по звуку свистка невозможно точно оріентироваться

относительно опаснаго для корабля пункта. Въ виду этого обстоятельства англійскій Тринити-Гоузъ или бюро береговыхъ сигналовъ занялось испытаніемъ новоизобрѣтеннаго Пинчемъ и Пшономъ сигнальнаго апарата, сущность котораго состоитъ въ томъ, что вмѣсто плавучихъ бочекъ устраиваются плавучія же вмѣстилища свѣтильнаго газа. Изобрѣтатели, имѣющіе въ Лондонѣ фабрику переносныхъ апаратовъ со свѣтильнымъ газомъ, получаютъ газъ лучшаго качества путемъ перегонки жирныхъ остатковъ; промытый и очищенный газъ сгущается паровой машиной при посредствѣ насосовъ до давленія 10 атмосферъ, причемъ и объемъ его уменьшается до $^1/_{10}$ первоначальнаго объема. Сгущенный такимъ образомъ газъ проводится въ прочные стальные резервуары, вмѣстимостью въ 1,700 литровъ, откуда по отводной трубкѣ направляется къ спеціально приспособленной горѣлкѣ. Кромѣ того на отводной трубкѣ имѣется регуляторъ особаго устройства, который низводитъ идущій по трубкѣ газъ къ нормальному давленію. Первый опытъ былъ сдѣланъ лѣтомъ прошлаго года; лампа была зажжена въ 5 часовъ вечера 28 августа и до 6 час. вечера 29 сентября горѣла ровнымъ, яркимъ свѣтомъ, который, слабѣя постепенно, потухъ совершенно къ 9 часамъ вечера 30 сентября. Затѣмъ были испробованы лампы, дѣйствующія впродолженіи 2-хъ мѣсяцевъ къ ряду, а въ настоящее время рѣчь идетъ объ устройствѣ такихъ резервуаровъ, которые бы могли вмѣстить запасъ газа на цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ. Лампы эти не гаснутъ даже при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, не заливаются водою и горятъ ровнымъ, яркимъ свѣтомъ. Послѣ столь удачныхъ опытовъ англійское адмиралтейство рѣшилось принять къ употребленію оптическіе сигналы Пинча, стараясь, чтобы горѣлка поднималась какъ можно выше надъ резервуаромъ и чтобы свѣтъ лампы былъ виденъ на пространствѣ 6—8 морскихъ миль; одинъ изъ такихъ сигнальныхъ апаратовъ, находящійся возлѣ маяка Гоузъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега, втеченіи цѣлой зимы выдержалъ всѣ бури и не потухъ ни разу. Хотя стоимость апарата Пинча сравнительно невелика, но въ виду многочисленности мѣстъ на морѣ, требующихъ остерегающихъ сигналовъ, весьма важно обратить вниманіе на непроизводительную затрату около 50% свѣтильнаго газа. Лампы горятъ безпрерывно днемъ и ночью, а въ широтахъ Великобританіи самыя длинныя ночи длятся 16 час., самыя же короткія только 9 часовъ. Слѣдовательно, еслибы гасить лампы рано утромъ и зажигать ихъ въ сумерки, то получилась бы значительная экономія газа, что, въ свою очередь, обусловило бы болѣе продолжительное горѣніе лампъ. Чтобы достигнуть этого предполагалось соединить всѣ плавучія лампы извѣстнаго района телеграфной проволокой и зажигать лампы вечеромъ помощью искры, гасить же утромъ при посредствѣ особаго механизма, приводимаго въ движеніе электричествомъ. Но проектъ этотъ не получилъ осуществленія въ виду той опасности для кораблей, которая предстояла въ случаяхъ порчи или обрыва проволоки, а также въ виду издержекъ на содержаніе отдѣльнаго штата сигнальной прислуги, слѣдящей за горѣніемъ всѣхъ лампъ, тогда какъ при первоначальномъ проектѣ содержаніе сигналовъ ограничивается издержками на своевременное наполненіе резервуаровъ свѣтильнымъ газомъ, для чего служатъ особаго устройства суда, на которыхъ находятся испытанной прочности большіе металическіе резервуары, наполненные сгущеннымъ свѣтильнымъ газомъ, который собственнымъ своимъ давленіемъ можетъ быть разлитъ по отдѣльнымъ плавучимъ резервуарамъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ о примѣненіи сигналовъ Пинча въ обширныхъ размѣрахъ и о снабженіи ими всѣхъ наиболѣе проѣзжихъ морскихъ дорогъ.

Изъ опубликованныхъ недавно статистическихъ свѣдѣній о количествѣ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ Англіи въ 1878 году видно, что убитыхъ было 1,103, а раненыхъ 4,007 человѣкъ. Изъ этихъ валовыхъ цифръ приходится на пассажировъ 125 убитыхъ и 1,752 раненыхъ; на желѣзно-дорожныхъ служащихъ 544 убитыхъ и 2,003 ран.; остальныя числа падаютъ на случаи умышленнаго самоубійства и несоблюденія правилъ предосторожности. Цифры, какъ видите, внушительныя, достаточныя для кровопролитнаго сраженія. Но, безъ сомнѣнія, онѣ окажутся малыми по сравненію съ такими же данными для желѣзныхъ дорогъ въ другихъ государствахъ. Къ тому же нужно принять во вниманіе громадное протяженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ Англіи, въ общей сложности достигавшей въ 1878 г. 27,888 километровъ и большую скорость движенія поѣздовъ, дѣлающихъ на иныхъ дорогахъ Англіи (Лондонъ—Дувръ) по 80 верстъ въ часъ, тогда какъ на лучшей нашей желѣзнодорожной линіи—Николаевской—большая скорость 43 версты въ часъ.

Въ виду такой значительной цифры жертвъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ естественны попытки изобрѣтенія такихъ приборовъ, которые имѣютъ цѣлью способствовать быстрой остановкѣ цѣлаго поѣзда въ минуту опасности. При устройствѣ тормазовъ на нѣкоторыхъ лишь вагонахъ мгновенное задержаніе поѣзда, даже въ случаяхъ своевременной распорядительности и быстраго исполненія приказанія, дѣлается невозможнымъ, такъ какъ сначала требуется извѣстное время для отдачи приказа и затѣмъ для его исполненія, а кромѣ того тормаза не могутъ сразу осилить движеніе мчащагося поѣзда. Надо было придумать такой тормазъ, который, дѣйствуя автоматически, одновременно и моментально могъ бы парализировать ходъ всѣхъ колесъ въ цѣлой цѣпи вагоновъ. Этимъ требованіямъ въ извѣстной степени удовлетворяетъ пневматическій тормазъ Вестингауза, или, вѣрнѣе, система тормазовъ, расположенныхъ подъ каждымъ вагономъ. Существенную часть каждаго изъ этихъ тормазовъ составляетъ трубка съ ходящимъ въ ней поршнемъ. Верхняя часть такой трубки сообщается съ главной трубой, идущей вдоль цѣлаго поѣзда и соединяющейся на локомотивѣ съ резервуаромъ воздуха, сгущеннаго силою пара. Когда машинистъ откроетъ кранъ, разобщающій резервуаръ съ главной трубой, то сгущенный воздухъ проникаетъ въ трубу, а изъ нея во всѣ второстепенныя трубы. Внезапный напоръ воздуха надавливаетъ на поршни, соединенные съ ними тормаза падаютъ на колеса и парализируютъ вращеніе послѣднихъ. Тормазъ Вестингауза принятъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи и въ Америкѣ, а также на парижской обводной линіи, но не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ: во-первыхъ, въ случаѣ порчи главной трубы дѣйствіе тормазовъ уничтожается и во-вторыхъ, тормазъ не можетъ остановить тѣ вагоны, которые почему-либо оторвались отъ поѣзда. Чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, изобрѣтатель усовершенствовалъ свой тормазъ, помѣстивъ, кромѣ главнаго резервуара на локомотивѣ, еще отдѣльные резервуары сгущеннаго воздуха подъ каждымъ тормазомъ и бездѣйствующіе до тѣхъ поръ, пока давленіе въ главной трубѣ, соединяющей всѣ тормаза, равно 4 атмосферамъ. Въ случаѣ порчи главной трубы заключающійся въ ней воздухъ выходитъ наружу, давленіе уменьшается, а вслѣдствіе этого всѣ поршни наталкиваются на тормаза, падающіе, въ свою очередь, на колеса. Въ случаѣ несчастія поѣздъ тормозится автоматически, а на слѣдующей станціи машинистъ вновь накачиваетъ трубу сгущеннымъ воздухомъ изъ особаго резервуара.

Единственный неустраненный пока недостатокъ тормаза Вестингауза обусловливается именно его же достоинствомъ: тормазъ хорошъ тѣмъ, что дѣйствіе его моментально, но съ другой стороны неожиданный сильный толчокъ отъ внезапной остановки поѣзда, конечно, не особенно пріятно отзывается на пассажирахъ. Обстоятельство это побудило англійскаго инженера Смита придумать такой тормазъ, который бы могъ задержать поѣздъ постепенно и неощутительно. Въ тормазѣ Смита, пользующагося вмѣсто сгущеннаго разрѣженнымъ воздухомъ, поршни, двигающіе тормазами, прикрѣпляются къ каучуковымъ мѣшкамъ, формою напоминающимъ китайскіе фонари, употребляемые для иллюминаціи. Эти мѣшки, имѣющіе сообщеніе съ главной трубой, въ обыкновенное время держатъ тормазъ въ извѣстномъ отдаленіи отъ колесъ, но въ случаѣ разрѣженія воздуха, заключеннаго въ трубѣ, каждый мѣшокъ подъ давленіемъ внѣшняго воздуха начинаетъ сжиматься и тормаза дѣйствовать. А такъ какъ разрѣженіе воздуха въ главной трубѣ совершается постепенно, то и тормаза дѣйствуютъ медленнѣе и безъ сотрясенія и не перестаютъ функціонировать даже при незначительномъ поврежденіи главной трубы. Процесъ разрѣженія воздуха въ главной трубѣ совершается помощью струи пара, которая, будучи направлена соотвѣтственнымъ образомъ изъ пароваго котла на отверстіе главной трубы, силою своего теченія захватываетъ и струю воздуха изъ трубы, причемъ заторможиваніе начинается съ заднихъ вагоновъ и уже поэтому совершается болѣе плавно и незамѣтно.

Тормазъ Смита, усовершенствованный Гарди, нашелъ уже обширное примѣненіе, а идея тормаза, дѣйствующаго разрѣженнымъ воздухомъ, въ послѣднее время примѣнена Зондерсомъ къ описанному нами тормазу Вестингауза. Сообщающіеся съ тормазами мѣшки держатъ ихъ въ отдаленіи отъ колесъ лишь до тѣхъ поръ, пока заключенный въ нихъ воздухъ находится въ разрѣженномъ состояніи. Но лишь только въ главную трубу войдетъ воздухъ, напримѣръ, въ случаѣ обрыва или поврежденія, какъ сейчасъ же слѣдуетъ паденіе тормазовъ и поѣздъ останавливается.

Чтобы по возможности исчерпать вопросъ, мы должны упомянуть о тормазѣ Венгера. Механизмъ каждаго тормаза состоитъ изъ гири въ 200 килогр., которая, падая на особый стержень, своею тяжестью тормозитъ колеса. Тяжесть эта удерживается въ равновѣсіи давленіемъ сгущеннаго воздуха на поршень, на которомъ она помѣщается, а всѣ поршни соединяются съ главной трубой, тоже наполненной сгущеннымъ воздухомъ. Но и этотъ тормазъ неудобенъ въ томъ отношеніи, что поѣздъ обременяется порядочною тяжестью и что при отцѣпливаніи вагоновъ нужно придерживать гири, чтобы онѣ несвоевременнымъ паденіемъ не повредили тормазныхъ стержней.

Америка опять даритъ насъ новостью. Нѣкто Яковъ Рисъ изъ г. Питсбурга въ Пенсильваніи сообщаетъ о новомъ сдѣланномъ имъ открытіи въ области металургіи. Рисъ въ одну минуту можетъ расплавить полосу литой стали толщиною въ дюймъ, требующую для своего расплавленія, по крайней мѣрѣ, 5 минутъ сильнѣйшаго жара, и дѣлаетъ это, направляя на сталь струю воздуха съ быстротою 25,000 фут. въ минуту. Цитируемъ собственныя слова изобрѣтателя: «При употребленіи плавильныхъ печей на расплавленіе метала требуется нѣсколько часовъ, а иногда и нѣсколько дней. Помощью же изобрѣтеннаго мною способа можно расплавлять желѣзныя

или стальныя полосы по футу въ секунду, пользуясь только скрытымъ въ металѣ теплородомъ, который дѣлается явнымъ и расширяетъ металъ, причемъ расширеніе это остается постояннымъ, не возвращаясь къ обыкновеннымъ своимъ размѣрамъ. Какъ ни кажется это невѣроятнымъ, но плавленіе желѣза и стали втеченіи секунды вовсе не абсурдъ, а испытанный фактъ, который долженъ оказать большія услуги на практикѣ».

Ограничиваясь до дальнѣйшаго разъясненія простымъ констатированіемъ этого факта, мы пока воздержимся придавать ему значеніе научнаго изобрѣтенія.

Въ заключеніе нашей хроники скажемъ нѣсколько словъ объ открытыхъ недавно въ Америкѣ остаткахъ ископаемыхъ животныхъ, описаніе которыхъ представлено профессоромъ Копе изъ Филадельфіи академіи наукъ въ Сан-Франциско. Одно изъ открытыхъ животныхъ—Camarosaurus supremus—родъ гигантскаго воднаго кэнгуру, шея котораго имѣла 9 фут. въ діаметрѣ, задніе ноги длиною по 20 фут., спинные позвонки 56 дюйм. въ ширину, а все тѣло должно было достигать 72 фут. въ длину. Чудовище это могло ходить въ водѣ на глубинѣ 40 фут. и хватать добычу передними лапами. Другой открытый гигантъ имѣлъ спинные позвонки по 6 фут. въ ширину, задніе конечности длиною въ 40 фут.; плотоядные зубы укрѣплены въ верхней и нижней челюсти въ видѣ ножницъ. Кости нижней половины тѣла массивны и плотны, тогда какъ кости верхней части имѣютъ губчатое строеніе, весьма легки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются крѣпостью. Животное это, названное Amphicoelias fragilissimus, повидимому, достигало въ длину слишкомъ 100 фут. Оба открытыя чудовища имѣли широкіе и крѣпкіе хвосты и, схватывая добычу въ водѣ, по всей вѣроятности, опирались на задніе ноги и на хвостъ, какъ на треножникъ. Другое важное палеонтологическое открытіе сдѣлалъ Теобальдтъ, одинъ изъ членовъ индійской геологической комисіи, открывшій въ скалахъ Сивалика, въ Пенджабѣ, скелетъ большой ископаемой обезьяны изъ отдѣла человѣкообразныхъ или антропоидовъ. Это первая ископаемая обезьяна этого рода, найденная въ Индіи, и весьма вѣроятно, что рядомъ другихъ открытій ископаемыхъ антропоидныхъ удастся возстановить утраченныя для науки звенья великой цѣпи организмовъ и пролить новый свѣтъ на генеалогію человѣка и его положеніе въ общей лѣстницѣ организмовъ.

ДРАМЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

...Матросы обыскали своего капитана, чтобы взять депеши. (См. стр. 452.)

Загаль.

Разсказъ Е. Пувильона.

Никто не зналъ откуда пришелъ этотъ Загаль!.. Онъ самъ менѣе всѣхъ.

Въ одно прекрасное утро, когда Власть—эта любопытная изъ любопытныхъ—спросила у Загаля, гдѣ онъ родился, этотъ послѣдній съумѣлъ только въ отвѣтъ выдвинуть губы и пожать плечами,—знакъ величайшаго недоумѣнія.

Власть не ограничилась однимъ этимъ вопросомъ. Она полюбопытствовала узнать, гдѣ живетъ Загаль. Этотъ вопросъ не озадачилъ нашего героя. Онъ указалъ гдѣ-то за своею спиною какую-то точку. Точка эта—насколько догадывались—было море.

Странная личность этотъ Загаль.

Не находя равныхъ себѣ, не имѣя кому приказывать, онъ жилъ одинъ-одинехонекъ.

Одинъ въ неизмѣнной дружбѣ съ моремъ.

Море было всѣмъ для Загаля: его домомъ, его гостинницей, его храмомъ.

Онъ обожалъ море.

Бурный вѣтеръ, морскія волны, тихая лунная ночь, зеркальная поверхность воды, скалистый берегъ—вотъ друзья Загаля. Онъ не думалъ даже, есть ли что-нибудь еще на землѣ. Они ему замѣняли людей. Когда море отступало, Загаль подвигался впередъ; во время прилива онъ отступалъ назадъ, точно раковина, брошенная на произволъ судьбы.

Море поглощало всецѣло Загаля. Вѣрнѣе, море было его жизнью.

Ночи Загаль проводилъ на морскомъ берегу. Яма въ прибрежной скалѣ, морской песокъ—вотъ его спальни. Загаль, какъ звѣрь, перемѣнялъ мѣсто ночлега. Это зависѣло отъ времени года, отъ вѣтра, отъ луны.

Днемъ Загаль ловилъ рыбу, безъ лодки, безъ сѣти, безъ удочки. Этого всего у него не было.

Длинная, заостренная палка, небольшой ножъ—вотъ единственныя его орудія. Они составляли единственную его собственность, все его богатство.

Палкою Загаль отрывалъ молюсковъ отъ ихъ гнѣздъ; ловилъ раковъ, иногда омары попадались ему.

Ножемъ онъ собиралъ улитокъ, отрѣзывалъ водяные орѣхи..

Да, прихотливыя, лакомыя блюда!

Загаль всегда раздѣлялъ свою добычу на двѣ неровныя части: что только можно было продать, онъ продавалъ, остальное съѣдалъ, если что-нибудь оставалось. Иногда второй этой части не было совсѣмъ. Загаль тогда ничего не ѣлъ.

Океанъ капризенъ; у него есть свои скверныя минуты. Жизнь тоже не всегда намъ улыбается.

Но Загаль не жаловался ни на океанъ, ни на жизнь.

Море и жизнь одинаково обезоруживаютъ гнѣвъ человѣка, не имѣющаго силы для борьбы съ ними.

Какъ бы то ни было—Загаль существовалъ. А это очень много...

Имѣете-ли вы понятіе о всей прелести удовольствій первобытной жизни?! Нѣтъ. Тогда жаль мнѣ васъ, очень жаль.—Работаешь подъ навѣсомъ неба, кругомъ тебя благоухающій воздухъ, настоящій морской, чистый, душистый воздухъ—пей его полною грудью; свѣту кругомъ тебя столько, что жмуришь глаза—вотъ твои товарищи, твои друзья! Босикомъ по сыроватому морскому берегу, ровному и гладкому, какъ паркетные полы дворцовъ,—бѣгай сколько душѣ угодно; преодолѣваніе тысячи опасностей, работа среди наступающихъ на тебя волнъ—всѣ прелести первобытной жизни...

Да, Загаль былъ счастливъ!

Бездомный, безсемейный, не имѣвшій любовницы, Загаль не зналъ, что такое несчастіе, тоска, скука. Онъ боялся женщинъ. Онѣ казались ему опасными.

Безпорочный и боязливый, какъ голубь, бѣдно одѣтый, Загаль никогда не ходилъ смотрѣть на танцы деревенскихъ прелестницъ. Внѣшность и наклонность къ уединенной жизни были главными препятствіями. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему вмѣшиваться въ эту толпу веселыхъ танцоровъ и кокетливыхъ дѣвушекъ, ему, бездомному, безпріютному?..

Но...

Въ одинъ прекрасный день однакожъ,—это было воскресенье,—Загаль услышалъ гдѣ-то вдали музыку и пѣніе. Никогда еще долетавшіе до его ушей звуки не казались ему такъ привлекательными, какъ теперь. Загаль прислушался...

Тамъ, близъ деревни, въ Мюганрѣ, танцовали подъ зеленымъ дубомъ. Молодые парни окружали нѣсколькихъ танцующихъ красавицъ. Да какихъ красавицъ! Широкія плечи, лебяжія шеи и пылающіе глаза баскиньянокъ пріобрѣли себѣ извѣстность въ цѣломъ краѣ. Одинъ Загаль никогда ничего объ нихъ не слышалъ.

Среди нихъ самою красивою была черноволосая Гашина. Загаль никогда ея не видѣлъ. Онъ вѣдь ничѣмъ никогда не интересовался. Море поглощало всѣ его силы, его душу, все его существо.

Звуки музыки и хохотъ танцовщицъ заставили его выйдти изъ уединенія. Не долго думая, Загаль поднялся на гору и очутился въ Мюганрѣ.

Загаль увидѣлъ Гашину и кромѣ нея ничего больше не видѣлъ. Кромѣ нея для Загаля никого и ничего не существовало. Что-жъ тутъ удивительнаго? Природѣ угодно было подарить Гашинѣ пару такихъ чудныхъ глазъ, какіе никому и во снѣ не снились. Глаза Гашины, точно раскаленные угли, прожгли сердце Загаля. Сердце, казалось, выскочитъ у него изъ груди. Два раза Загаль хотѣлъ спасаться бѣгствомъ, но увы! два раза какая-то сила заставила его вернуться подъ зеленый дубъ въ Мюганрѣ.

Любовь—восторгъ!

Загаль смотрѣлъ на Гашину, какъ цвѣты смотрятъ на солнце: кромѣ нея для него ничего ужь не существовало!

Танцы кончились. Загаль не могъ свести глазъ съ обворожительной красавицы. Онъ любовался ею, когда она играла въ кегли, въ горѣлки, когда она бѣгала и хохотала... О, какъ завидовалъ онъ всѣмъ, кто игралъ съ нею, кто могъ дотронуться до ея платья!

Гашина была царицею дня. Казалось, всѣ старались ей нравиться. Да, для нея парни бросали большой дубовый шаръ, стараясь придать своимъ движеніямъ какъ можно больше граціи; для нея танцовали, для нея пѣли, для нея играли...

На этомъ поприщѣ Загаль не умѣлъ подвизаться.

Однакожъ и онъ чувствовалъ, что сердце у него бьется сильно, сильно... Онъ чувствовалъ,—впервые во всю свою жизнь,—что у него есть сила, а главное, что онъ не трусъ и что и онъ можетъ, этого мало, — долженъ любить! Загаль долго сдерживался, не смотря на всѣ работающія въ немъ силы, которыя старались всѣми мѣрами заставить его выказать свою ловкость передъ Гашиною. Какъ онъ ни старался, однако, любовь оказалась сильнѣе его... Загаль сбросилъ съ себя одежду и сталъ въ ряды подвизающихся; въ немъ сердце заговорило. Тогда бросали тяжелые камни. Награда присуждалась тому, кто броситъ самый тяжелый камень дальше всѣхъ.

Загаль бросилъ тяжелый камень такъ далеко, что его единогласно признали побѣдителемъ.

Нашъ отшельникъ до того возгордился, что вздумалъ приблизиться къ обладательницѣ прелестныхъ глазъ. Онъ сказалъ ей что-то: пару несвязныхъ словъ... Слова на губахъ у него являлись тяжелыми камнями, которые не долетали до Гашины и падали точно олово... Гашина смѣялась, не обращая на него вниманія.

Охъ, какъ красивы были ея глаза и какъ насмѣшлива улыбка!..

Это было подъ тѣнью деревьевъ, на берегу моря. Вѣтеръ волновалъ и вспучивалъ сѣроватую поверхность воды, разбивая ее въ мельчайшія капли.

— Загаль, клянусь тебѣ, Загаль, я буду тебя любить тогда, когда море будетъ имѣть цвѣтъ твоего кушака. Клянусь тебѣ вѣчнымъ спасеніемъ, Загаль!

Увы! кушакъ Загаля былъ... красный, рубиново-красный!

Смѣясь, безъ поцѣлуя, отвернувъ голову, она ушла, оставивъ его одного на берегу моря. Загаль смотрѣлъ въ слѣдъ за нею. Когда въ концѣ тропинки исчезла ея фигура, онъ опустился на землю и сталъ раздумывать.

Скверныя думы. Море напрасно пѣло свою пѣсню. Воздухъ былъ такой, какъ всегда, но они теперь не говорили того, что прежде такъ благотворно дѣйствовало на Загаля. Музыка таже, а слова другія! Загаль прислушивался, но ничего не понималъ.

Въ звукахъ, ударяющихся о прибрежныя скалы волнъ, въ шумѣ изчезающихъ гребней сѣрой воды на поверхности песка, онъ слышалъ только одно: безконечное отчаяніе. Иногда ему казалось, что изъ деревни вѣтеръ приноситъ насмѣшливую улыбку Гашины...

Море перестало быть его жизнью. У него явилась новая жизнь—любовь.

Загаль существовалъ до сихъ поръ: онъ велъ безпрестанную борьбу съ окружающимъ, работалъ для того, чтобы существовать; теперь, увы! жизнь его стала до того однообразной, до того скучной, что онъ почувствовалъ, наконецъ, всю ея тяжесть. Эта дѣтская душа, до сихъ поръ поддающаяся безъ ропоту силамъ природы, черная или голубая, смотря потому, какой цвѣтъ имѣетъ небо, теперь навсегда заволоклась черными тучами... Ни одной свѣтлой минуты, ни одного луча свѣта!

Онъ любилъ Гашину, Гашина не любила его. Умъ его терялся въ постоянныхъ розыскахъ пути къ ея сердцу.

— «Когда море будетъ имѣть цвѣтъ твоего кушака»

Она смѣялась надъ нимъ! Да, никогда, никогда Гашина не полюбитъ Загаля! Кто можетъ ручаться за это? Безъ сомнѣнія, тутъ только чудо можетъ спасти Загаля... А почему бы не быть чуду? Если женщина обманываетъ—море вѣдь тоже капризно!.. Кто знаетъ?.. Она вѣдь обѣщала, она поклялась вѣчнымъ спасеніемъ, она не измѣнитъ своему слову!

И Загаль, вопреки своему разуму, вопреки своей волѣ, сталъ вѣрить.

Онъ надѣялся.

Надѣяться—это значитъ жить.

Съ этой минуты Загаль снова полюбилъ жизнь. Онъ сталъ дорожить ею. У него явилась цѣль жизни, цѣль каждаго часа жизни, каждой минуты. Загаль не сводилъ глазъ съ моря: бѣгая по обнаженному дну моря, когда оно отливало, или сидя на высокой скалѣ во время его прилива, онъ смотрѣлъ въ великую массу водъ, точно спрашивая у океана, скоро ли дождется чуда.

Во время сильныхъ приливовъ, когда море—этотъ великанъ-дитя — принимало грозный видъ, Загаль, не смотря на дождь, громъ и молнію вперивъ взглядъ свой въ море, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

Сколько цвѣтовъ отъ чернаго до багрово-краснаго появляется тогда на поверхности воды, я описывать не стану. Это нужно видѣть.

Загаль, не шевелясь, слѣдилъ глазами за бунтующейся поверхностью моря. Напрасно—море съ каждою минутою измѣняло цвѣтъ. Не быть чуду, не быть!..

Онъ смотрѣлъ на игру перемѣняющихся цвѣтовъ и помимо своей воли любовался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Въ былое время это приводило его въ восторгъ, теперь... ахъ, теперь онъ любитъ... Этимъ все сказано.

Въ полдень царствовалъ бѣлый цвѣтъ. Подъ дѣйствіемъ вертикально падающихъ лучей солнца морское зеркало, казалось, загорится со всѣхъ концовъ... Загаль замеръ на мѣстѣ... Увы, одно дуновеніе вѣтерка измѣнило все... Вода стала зеленоватой, синей, потомъ желтою, наконецъ, фіолетовою...

Загаль кромѣ воды ничего не видѣлъ... Онъ боялся прозѣвать ту минуту, въ которую океанъ долженъ былъ—онъ глубоко вѣрилъ—явиться передъ нимъ пурпурово-краснымъ. По цѣлымъ вечерамъ, не отходя отъ берега ни на одну минуту, Загаль еще пристальнѣе всматривался въ море. Заходящее солнце въ одну секунду превращало аметистовый цвѣтъ воды въ красноватый... Загаль тогда притаивалъ дыханіе; онъ дожидался.

— «Когда море будетъ имѣть цвѣтъ твоего кушака»... сказала вѣдь Гашина.

Между тѣмъ по необозримому пространству моря золотистые лучи солнца прошли съ быстротою молніи; красноватый цвѣтъ воды въ нѣсколькихъ мѣстахъ смѣнился пурпуровымъ... Загаль вскрикнулъ отъ радости... Еще минута: пурпуровыя пятна все увеличивались...

Еще секунда...

Но нѣтъ. Подобно удару крыльевъ летучей мыши, способныхъ потушить свѣчку, вечерній мракъ погасилъ всѣ цвѣта воды. Пурпуровыя пятна сдѣлались фіолетовыми, эти послѣднія черезъ нѣсколько минутъ, перемѣняя всѣ цвѣта, приняли черную окраску. Загаль потерялъ надежду... Не быть чуду!

До тѣхъ поръ, пока хоть одинъ лучъ свѣта носился во мракѣ ночи, Загаль сидѣлъ у моря. Черная ночь давно ужъ распростерла свои объятія надъ поверхностью моря, а Загаль все еще не спалъ.

Первый проблескъ утренней зари, первый знакъ новой жизни застанетъ его на своемъ посту.

Дни проходятъ, потомъ мѣсяцы;.. онъ все ждетъ, все надѣется.

Онъ не обращалъ никакого вниманія на шутки деревенскихъ парней, узнавшихъ отъ кого то, можетъ быть, отъ Гашины,—объ исторіи Загаля и краснаго кушака.

— Загаль, иди же скорѣе туда, въ Сокоа, море тамъ стало краснымъ... Торопись только, говорили ему, смѣясь.

Загаль бросалъ все и бѣжалъ со всѣхъ ногъ въ Сокоа. Товарищи смѣялись.

— Загаль, опусти свой кушакъ въ воду, увидишь, вода покраснѣетъ!

И много другихъ насмѣшекъ.

Загаль между тѣмъ не терялъ надежды и ждалъ... Раньше-ли, позже-ли старый другъ его Океанъ не откажетъ ему въ этомъ. Пусть только покроется онъ пурпурово-краснымъ цвѣтомъ на одну секунду, на одно мгновеніе...

Но Океанъ не торопился... Загаль ждалъ.

Годъ прошелъ среди этихъ ожиданій. Гашина забыла, о своемъ обожателѣ, точно такъ же, какъ забыла, какія у нея были одѣты ленты годъ тому назадъ.

Въ этомъ году сентябрь отличался постояннымъ холодомъ. Осеннее равноденствіе сопровождалось такою бурею, какія разъ, много-много два раза, случаются въ двадцать лѣтъ. Только на пятый день, подъ вечеръ, вѣтеръ притихъ. Океанъ, какъ больной, которому надоѣло постоянное переворачиваніе съ боку на бокъ, хотѣлъ заснуть хоть на минуту, искалъ покоя; морскія волны съ меньшею силою подходили къ берегу; тучи по временамъ разрывались, указывая синеву небесъ... Наконецъ, солнце, котораго ужь болѣе двухъ недѣль никто не видѣлъ, разрушивъ сѣрую стѣну тучъ надъ горизонтомъ, показалось всѣмъ алчущимъ его: кровяно-краснаго цвѣта огненный шаръ, пылающій, трагическій, полный неописанной красы.

Океанъ взволновался. Сѣрый цвѣтъ его воды уступилъ мѣсто синему, этотъ фіолетовому, потомъ розовому, наконецъ, масса воды стала красною! А какой красный цвѣтъ! Океанъ походилъ въ эту минуту на громадное вмѣстилище крови. Всѣ, которые видѣли это великолѣпное зрѣлище, а ихъ было много, такъ какъ притихшая буря позволила любопытнымъ выйдти на морской берегъ, никогда его не забудутъ!

Загаль не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Онъ прыгалъ, смѣялся, какъ дитя... Вдругъ, не разсчитывая, что дѣлаетъ, не одѣвшись, безъ сапогъ, съ открытою головою, Загаль побѣжалъ къ деревнѣ самымъ близкимъ путемъ: среди наступающихъ волнъ онъ былъ похожъ на сумасшедшаго. Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе отыскать Гашину.

Лишь бы Океанъ далъ ему достаточно времени! Загаль бѣжалъ, не уставая ни на минуту, по тропинкѣ, ведущей въ деревню, прямо къ бѣлому домику съ красными ставнями, въ которомъ жила Гашина.

Несчастный! Домъ запертъ—Гашина ушла куда-то.

— Гашина! Гашина!

Голосъ Загаля раздавался среди гробовой тишины.

Но, слава Богу, онъ услышалъ какіе-то звуки—удары вальковъ и хохотъ—въ сторонѣ фонтана Артегюи. Не теряя ни минуты, Загаль спѣшитъ туда. Четыре хорошенькія дѣвушки стояли у фонтана; четыре красавицы, предметъ гордости Сеноріо: Собада, зубы которой похожи на зерна бѣлаго маиса; Градіоза, Санта-Клара и Гашина, наконецъ. Онѣ болтали и смѣялись. Увидѣвъ Загаля, онѣ остановились передъ нимъ.

Загаль бросился на колѣни передъ Гашиною.

— Гашина!.. скорѣе... море... скорѣе... красное... знаешь... иди со мной... скорѣе!..

Онъ лепеталъ, умолялъ, приказывалъ; онъ былъ страшенъ и смѣшенъ.

— Когда выстираемъ бѣлье до чиста, пойдемъ къ морю. Садись и подожди, если хочешь, Загаль!

Гашина хохотала.

Загаль внѣ себя бросился на Гашину, схватилъ ее за руку такъ сильно, что она вскрикнула.

— Ты обѣщала... ты клялась... пойдемъ, сказалъ онъ просто.

Гашина боялась противиться Загалю. Она слѣдовала за нимъ.

Они бѣжали къ морю. Сначала скоро, съ каждою минутою скорѣе. Когда очутились на самомъ берегу, Загаль пустилъ руку Гашины и сказалъ:

— Вотъ смотри...

Но то, что онъ увидѣлъ, заставило его вздрогнуть.

Передъ ними безконечное пространство воды отражало, точно зеркало, прелестный синій цвѣтъ неба. Куда ни глянь—повсюду синій, одинъ только синій цвѣтъ...

Океанъ измѣнилъ Загалю.

Загаль былъ побѣжденъ.

Онъ не вынесъ этого удара—судьбы или Океана?—и упалъ на землю. Ни одного слова, ни одного звука—ничего. Только слезы потекли изъ его глазъ, первыя, быть можетъ, слезы на этомъ никогда не измѣняющемся лицѣ.

Другая—но не Гашина, конечно,—отнеслась бы съ участіемъ къ этому страдальцу. Но она, взбѣшенная насиліемъ Загаля, начала смѣяться надъ нимъ.

— На твоемъ мѣстѣ, сказала она,—я бы себѣ купила синій кушакъ!

И, не дожидаясь отвѣта, прелестница убѣжала. Загаль бросился вслѣдъ за ней и, схвативъ ее за руку, остановилъ на мѣстѣ.

— А я тебѣ говорю, что Океанъ будетъ краснымъ! кричалъ Загаль, выходя изъ себя.

Она упала передъ нимъ на колѣни: голова ея опустилась на грудь, руки конвульсивно сжимались...

Борьба продолжалась не долго.

Освободивъ свою правую руку, Загаль схватилъ ножъ и утопилъ его въ прелестной груди Гашины... Точно пьяный, не зная, что дѣлаетъ, онъ поднялъ трупъ обожаемой женщины, на ея губахъ напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй и, отворачивая голову, опустилъ Гашину въ синій океанъ...

Красная лента крови, какъ облако на небѣ, прошла сквозь синее море...

Вотъ и все.

Золото и имя.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

ъ сентябрѣ 1854 года вниманіе всей Европы было обращено на крымскую войну, возбуждавшую вниманіе даже лѣнивыхъ; всѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за извѣстіями съ Чернаго моря. Мы не станемъ описывать этихъ всѣмъ извѣстныхъ событій, а обратимъ вниманіе читателей на деревенскую церковь въ Тупаакерѣ, въ которой совершалась богатая свадьба. Большая часть прихожанъ присутствовали зрителями на этой свадьбѣ Марты Стангенскіольдъ съ капитаномъ Штромомъ. На магистра Фредерика Брогрена, какъ на адъюнкта пастора, была возложена обязанность обвѣнчать эту пару. Между зрителями находилась Лотти, забравшаяся очень рано съ цѣлью занять хорошее мѣсто. Вѣсть о бракѣ Марты съ капитаномъ возбудила большой интересъ въ Лотти, которая, зная, какъ Марта старалась привлечь къ себѣ лорда Кастертона, желала, чтобы этотъ бракъ состоялся.

Сосѣди, друзья, знакомые, близкіе и дальніе родственники были приглашены въ Скогхофъ для отпразднованія достойнымъ образомъ дня, въ который Марта Стангенскіольдъ перемѣняла свою знатную фамилію на несравненно болѣе скромную. Партія всѣмъ казалась странною; многіе позволяли себѣ рѣзкія замѣчанія насчетъ предпочтенія, отданнаго Мартою этому плебейскому имени. Но свадьба состоялась, не смотря на удивленіе тетушекъ, дядюшекъ и кузинъ. Некрасивыя дѣвицы смѣялись надъ тѣмъ, что красивая, богатая Марта выходила замужъ за человѣка незначительнаго; хорошенькія съ гордостью закидывали головы, увѣряя, что никогда не унизились бы до такого брака; не смотря на это, большая часть изъ нихъ съ любопытствомъ ожидала свадьбы, желая посмотрѣть на человѣка, для котораго гордая Марта рѣшилась пожертвовать свободою и именемъ.

Какъ только пасторъ подошелъ къ алтарю, не-

вѣста появилась въ сопровожденiи отца и своихъ подругъ, между которыми находилась и Армида.

Лотти изъ дверей ризницы съ любопытствомъ разсматривала лицо Марты, блѣдное, какъ ея свадебное платье, что не мѣшало ей гордо смотрѣть на окружающихъ и высоко поднимать свою прекрасную головку.

Женихъ подошелъ къ невѣстѣ, на немъ былъ мундиръ французской армiи съ орденомъ почетнаго легiона въ петлицѣ. Всѣ ожидали увидѣть въ немъ прекраснаго молодого человѣка, столь же красиваго, какъ первый женихъ. Общее ожиданiе оказалось ошибочнымъ: ни молодостью, ни красотою женихъ не отличался. Онъ твердыми шагами подошелъ къ алтарю въ сопровожденiи французскаго консула, своего посаженнаго отца. Едва онъ занялъ мѣсто подлѣ Марты, изъ дверей ризницы раздался пронзительный женскiй крикъ, обратившiй всеобщее вниманiе; вскорѣ вынесли оттуда пожилую безчувственную женщину; это была Лотти. Брачная пара невольно посмотрѣла по тому направленiю; капитанъ сдвинулъ брови, полковникъ пробормоталъ что-то сквозь зубы.

Ничто уже не прерывало дальнѣйшей церемонiи и она окончилась благополучно. Когда же женихъ съ невѣстой подошли къ своему экипажу, подлѣ него стояла Лотти до крайности блѣдная; какъ только молодая сѣла въ карету, она подвинулась еще впередъ съ цѣлью обратить на себя вниманiе капитана; взоры ихъ встрѣтились, лицо старушки горѣло отъ гнѣва, глаза буквально метали огонь. Отъ Марты не укрылось ничего.

— Знаешь ты эту женщину? спросила она мужа.

— Да немного; она, кажется, была прежде горничной у леди Кастертонъ. Если не ошибаюсь, я видѣлъ ее въ день свадьбы Кастертона.

— Но по выраженiю ея лица мнѣ показалось, что она...

— Не совсѣмъ дружественно расположена ко мнѣ, прервалъ Штромъ, улыбаясь, — очень можетъ быть, но я не обращаю никакого вниманiя на подобныхъ женщинъ.

Марта замолчала, тѣмъ не менѣе нѣмая сцена между ея мужемъ и Лотти показалась ей очень странною.

Во все время пути капитанъ былъ самымъ любезнымъ новобрачнымъ; онъ восхищался красотою Марты, говорилъ, что случайная блѣдность придавала ей еще болѣе привлекательности, что всѣ мужчины завидовали его счастью. Марта молча выслушивала эти похвалы; блѣдная, откинувшись въ каретѣ, она безчувственно относилась ко всему окружающему.

Наконецъ, они подъѣхали къ Скокгофу, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный свадебный столъ; всѣ весело ѣли, пили, провозглашая тосты; Марта болтала, шутила, смѣялась, такъ что скоро забыли ея блѣдность. Обѣдъ кончился; почти всѣ гости разъѣхались; остались только близкiе родные, намѣревавшiеся прожить въ Скокгофѣ нѣсколько дней. Молодые отправились въ маленькiй кабинетъ, гдѣ свободно могли переговорить между собою. Марта сѣла на кресло, капитанъ занялъ мѣсто около нея.

— Марта, я недоволенъ тобою, сказалъ онъ. — Ты теперь моя жена, къ этому ты должна привыкнуть; надо стараться, чтобы свѣтъ не замѣтилъ, что ты вынуждена была выйдти за меня замужъ.

— Привыкнуть къ своей судьбѣ! воскликнула Марта. — Привыкнуть къ мысли провести всю жизнь съ ненавистнымъ человѣкомъ! — никогда! Правда, я прикована къ тебѣ, отдѣлена отъ всего, что можно назвать счастьемъ; но, повторяю тебѣ, я не стану прилагать старанiй, чтобы сдѣлать наше сожительство болѣе счастливымъ. Ты потеряешь время, если намѣренъ осуждать мое поведенiе или предписывать мнѣ свои законы. Ты получилъ, что желалъ, не надѣйся на мою любовь!

— Я и не стремлюсь получить ее, сказалъ Штромъ. — Но жизнь наша устроится такъ, какъ я желаю. Ты настолько познакомилась съ моимъ характеромъ, мой ангелъ, чтобы знать, что я не изъ числа людей, позволяющихъ играть собою.

— Арвидъ Штромъ, я знаю, ты ужасный человѣкъ, отвѣчала Марта, приподнявшись, — но это не помѣшаетъ мнѣ сказать, что я никогда не полюблю тебя. Къ чему принудилъ ты меня быть твоей женой? Ты меня не любишь, моей любви не требуешь, что заставило тебя злоупотребить семейными тайнами и вынудить согласiе моего отца? Желанiе получить деньги? Тебѣ было извѣстно, что я далеко не такъ богата, какъ казалась. Желанiе породниться съ уважаемой фамилiей? Какая тебѣ отъ этого польза, ты не шведскiй подданный; или тебя побудило жалкое высокомѣрiе побѣдить мое сопротивленiе?

— Ни одна изъ этихъ причинъ, сказалъ Штромъ; — я желалъ только одного: отдалить тебя отъ лорда Кастертона.

— Какое тебѣ было дѣло до того, что я любила Кастертона, что желала быть его женою?

— Это близко касалось меня, отвѣчалъ Штромъ. — Цѣлью твоихъ интригъ было горе и несчастье леди Кастертонъ!

— Арвидъ! воскликнула Марта, — что тебѣ Эльвира?

— Я люблю ее, сказалъ серьезно Штромъ.

— И ты это говоришь мнѣ въ первый день свадьбы!

— Не люби я Эльвиры, этотъ день никогда бы не насталъ.

— О, Господи! сколько низости въ этомъ человѣкѣ! воскликнула Марта, поднимая руки къ небу.

— Не говори такъ громко, сказалъ Штромъ, — я нахожу совершенно излишнимъ посвящать гостей въ нашу тайну. Будемъ говорить спокойно, безъ декламацiй, я ненавижу сцены!

Штромъ говорилъ очень холодно, пристально смотря на Марту съ сознанiемъ силы своего взгляда.

— Есть-ли женщина на свѣтѣ несчастнѣе меня! воскликнула Марта, упавъ на диванъ.

— Я знаю одну, гораздо несчастнѣе тебя, отвѣчалъ Штромъ: — это леди Кастертонъ, обладающая тѣмъ, чего тебѣ не достаетъ: сердцемъ.

— Не называй этого имени, или я не ручаюсь за себя, воскликнула Марта.

— Марта, сказалъ Штромъ, — не выводи меня изъ терпѣнiя, котораго у меня очень немного; тебѣ же придется плохо; твоимъ родственникамъ легко можетъ представиться удобный случай разсказывать, что въ первый день брака между нами произошла сцена. Неужели тебѣ хочется, чтобы эти люди, не любящiе тебя, стали насмѣхаться надъ тѣмъ, что ты забыла уваженiе, которымъ обязана мнѣ, себѣ и мнѣнiю свѣта.

Грудь Марты тревожно поднималась, она отвернула голову, не желая встрѣтиться глазами со Штромомъ.

— Такой красавицѣ, прибавилъ онъ, цѣлуя ея руку, — право, не слѣдуетъ допускать, чтобы сердитое расположенiе обезображивало ея правильныя черты.

Марта отдернула свою руку.

— Теперь, когда ты успокоилась, поговоримъ о леди Кастертонъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ. — Я былъ готовъ пожертвовать своею жизнью ради ея счастья. Ты поймешь мое чувство, когда я въ тебѣ узналъ ея врага, который своими интригами уничтожалъ надежды на сближенiе между нею и ея мужемъ; я рѣшилъ положить этому конецъ; вотъ почему ты сдѣлалась моей женою, къ сожалѣнiю, нѣсколько поздно: лордъ удалился съ цѣлью принять участiе въ крымской войнѣ, мнѣ неизвѣстно, гдѣ находится леди, но я не теряю надежды; лордъ можетъ вернуться съ войны, тогда жена его, перенесшая такъ много горя, достигнетъ заслуженнаго счастья.

— Эта надежда никогда не осуществится, возразила Марта. — Вернувшись съ войны, лордъ не захочетъ видѣть Эльвиру, онъ узналъ, уѣзжая изъ Тимасiо, что съ ея рожденiемъ связана какая-то мрачная позорная тайна. Именно это извѣстiе и побудило его уѣхать.

Марта остановилась, затѣмъ прошептала нѣсколько словъ на ухо мужу, отъ которыхъ онъ содрогнулся.

— И ты сказала ему это? спросилъ онъ.

— Не только сказала, но доказала. Кастертонъ на другой день покинулъ Тимасiо.

Радуясь, что открыла слабую сторону капитана, Марта съ торжествомъ смотрѣла на вызванное ею выраженiе страданiя и унынiя на его лицѣ.

— Женская злость не имѣетъ границъ, сказалъ онъ, наконецъ, шутливымъ тономъ, — ты оправдываешь эти слова, Марта, но, какъ большая часть женщинъ, ты дѣйствовала безъ плана, не объясняя себѣ, для чего ты это дѣлаешь; послѣдствiя твоихъ дѣйствiй поправимы. Возьми мою руку, пойдемъ къ нашимъ гостямъ. Но горе тебѣ и твоему отцу, если мнѣ не удастся опровергнуть твои слова, или если ты осмѣлишься противодѣйствовать мнѣ. Я возвѣщу громогласно о талисманѣ, доставившемъ мнѣ твою руку. Пойдемъ, я не хочу, чтобы насъ долѣе ждали.

Онъ протянулъ руку Мартѣ. Она молча пошла за нимъ, съ видимымъ трудомъ подчиняясь ему.

— Ты должна одѣть маску спокойствiя, продолжалъ Штромъ, посмотрѣвъ на нее; — не зачѣмъ открывать всѣмъ свою душу. Примирись со своей судьбой; знай, что Кастертонъ никогда не любилъ тебя, всѣ письма его были продиктованы минутнымъ расположенiемъ духа, его сердце принадлежало Эльвирѣ. Впослѣдствiи я приведу тебѣ доказательства. Счастье, Марта, химера, существующая только въ воображенiи; постарайся вообразить, что ты счастливѣйшая женщина въ мiрѣ. Повѣрь мнѣ, ничего не можетъ быть глупѣе погони за сердцемъ, которое принадлежитъ другой.

Съ этими словами они вошли въ залу, онъ съ улыбкой на губахъ, она стараясь казаться веселою.

«Какимъ могуществомъ обладаетъ этотъ человѣкъ, заставившiй Марту отдать ему руку? думала Армида, смотря на Марту. — Въ чемъ заключается эта сила, управляющая, какъ ею, такъ и ея отцемъ?»

II.

Армида вернулась въ Тимасiо ночью; взволнованная Лотти ожидала ее въ сѣняхъ. Вспомнивъ, что съ Лотти былъ обморокъ, Армида захотѣла вывѣдать отъ нея что-нибудь, касавшееся капитана.

— О, Господи, Лотти, ты не легла еще! сказала Армида, улыбаясь. — Право, ты слишкомъ балуешь меня.

И Армида дружески потрепала по плечу сконфуженную Лотти, которая знала, что не заслужила такой признательности. Обѣ женщины вмѣстѣ отправились въ комнату Армиды. По дорогѣ Армида спросила, какъ себя чувствуетъ Лотти послѣ недавняго обморока.

— Ты какъ-будто почувствовала боль при видѣ жениха и упала безъ чувствъ, сказала Армида. — Не знакомъ-ли тебѣ капитанъ?

— Нѣтъ, но онъ до такой степени похожъ на моего умершаго брата, что я отъ испуга лишилась чувствъ.

«Никогда не повѣрю этому», думала Армида и

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ.

Арфистка (въ молодости).
Рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»** въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ОТТО ЕРДМАНА.

Шахматные игроки.

По фотографіи **Густава Шауера**, въ Берлинѣ.

прибавила громко:—Правда, такія сходства иногда случаются.

— Да, согласилась Лотти.

«Желала бы я знать, для чего ждала меня старуха», думала Армида.

Лотти стала разспрашивать о свадьбѣ, услужливо помогая Армидѣ раздѣваться.

— Какую форму носитъ женихъ и кто онъ такой? спросила Лотти.

«Вотъ, наконецъ, мы попали на настоящую дорогу, подумала Армида,—увидимъ, не удастся-ли мнѣ вывѣдать кое-что».

Армидаобъ яснила, что капитанъ—французскій подданный, носитъ мундиръ французской арміи, что онъ извѣстный художникъ и что, какъ только настанетъ весна, онъ съ женою уѣдетъ во Францію.

— Вотъ какъ, сказала Лотти, внимательно смотря на Армиду.—Значитъ, онъ не шведъ, а только носитъ шведскую фамилію.

«Кажется старуха намѣрена хитрить со мною, подумала Армида,—ошибется».

— Онъ родился въ Швеціи, но молодымъ человѣкомъ покинулъ отечество; говорятъ, онъ что-то напроказничалъ, сказала Армида.

— А чтоже онъ сдѣлалъ? спросила Лотти, совсѣмъ измявъ въ рукахъ французскіе цвѣты Армиды.

— Можетъ быть, воспользовался чужою собственностью или что-нибудь подобное. Говорятъ, онъ былъ конторщикомъ.

Лицо Лотти прояснилось, безпокойное выраженіе исчезло. Прерывая дальнѣйшій разговоръ о капитанѣ, она сказала:

— На вашемъ почномъ столикѣ лежитъ письмо, присланное пасторшею Брогренъ. Я болѣе не нужна вамъ, потому позвольте пожелать вамъ покойной ночи.

Лотти удалилась, поклонившись, Армида не успѣла даже уловить нить, которая могла бы пособить ей въ ея развѣдываніяхъ о капитанѣ. Но она скоро забыла объ этомъ, занявшись письмомъ. Ее заинтересовало, о чемъ могла писать ей пасторша, съ которой она много разговаривала на свадьбѣ. Щеки Армиды покрылись яркимъ румянцемъ; письмо было не отъ пасторши, а отъ Карла.

«Армида! писалъ онъ.—Совершенно оправившись отъ раны, я уже покину Альтропъ, когда ты получишь это письмо. 14 марта Альтропъ перейдетъ къ лорду Кастертону. Мнѣ удалось, благодаря ходатайству высокопоставленныхъ особъ, выхлопотать себѣ мѣсто въ Константинополѣ, не смотря на дурное впечатлѣніе, произведенное моею дуэлью. Мы разлучаемся на долго, можетъ быть, на всегда, потому я желаю сказать тебѣ нѣсколько словъ. Проведя нѣсколько мучительныхъ мѣсяцевъ съ сознаніемъ убійства человѣка на душѣ, невольно прійдутъ на умъ серьезныя размышленія. Въ такомъ состояніи легко научиться иначе смотрѣть на людей. Обдумывая прошлое, я не могу покинуть родины, не написавъ тебѣ, какъ глубоко я презираю тебя»...

Положивъ письмо на столъ, Армида задумалась. Но вскорѣ, выпивъ стаканъ воды, она снова принялась за чтеніе:

«Еще юношей замѣтилъ я, что твое расположеніе ко мнѣ переходило границы дружбы; это открытіе льстило моему самолюбію, но я не былъ расположенъ отвѣчать тебѣ взаимностью. Любя Эльвиру, я переносилъ тебя за твое обожаніе. Видя все это, ты съумѣла возбудить мое высокомѣріе противъ любви, мать же моя, желавшая видѣть меня обладателемъ состоянія Эльвиры, покровительствовала мнѣ. Дѣла находились въ этомъ положеніи, когда ты въ первый разъ покинула Альтропъ, уѣжая гостить въ Тимасіо. Возбужденная ревностью и завистью противъ Эльвиры, ты устроила, что семейство полковника пригласило меня. Дѣлая непріятность Эльвирѣ, ты знала, что тщеславіе мое будетъ польщено этимъ приглашеніемъ и я буду ослѣпленъ красотою Марты. Ты рѣшила отвлечь меня отъ Эльвиры къ Мартѣ, съ полною увѣренностью, что мнѣ не удастся получить согласія послѣдней. Пользуясь всякимъ случаемъ, вы старались наводить разговоръ на закладчиковъ, торгашей старыми платьями и ростовщиковъ, смѣясь надъ ними; полковникъ также говорилъ о нихъ, какъ о людяхъ, съ которыми всякое столкновеніе приноситъ безчестье. Этими разговорами вы возбудили во мнѣ стыдъ за выборъ мною предмета любви, такъ что я окончательно влюбился въ Марту. Вернувшись на родину, я забылъ всѣ предразсудки противъ отца Эльвиры, такъ привлекательна показалась она мнѣ, и сталъ стремиться къ обладанію этимъ прелестнымъ существомъ. Едва успѣлъ я признаться ей въ любви, какъ ты и Марта вернулись въ Тимасіо. Исполняя желаніе моей матери, я сдѣлалъ вамъ визитъ. Первымъ вопросомъ Марты было, все-ли я брежу еще дочерью ростовщика? Услышавъ этотъ вопросъ, полковникъ разсказалъ, какъ Бромеру удалось выручить 20,000 рейхсталеровъ, уговоривъ сына графа *** подписаться именемъ отца на векселѣ; отецъ, желая спасти честь сына, заплатилъ деньги. Понятно, мое высокомѣріе снова возбудилось; Марта досаждала меня вѣчными шутками о бракѣ. Тебѣ также удалось вбить въ голову матери и мнѣ, что Марта меня любитъ, что отъ меня зависитъ получить жену съ деньгами и знатнымъ именемъ. Мать моя отказалась отъ прежняго желанія; она, такъ ревностно дѣйствовавшая въ пользу Эльвиры, стала осуждать этотъ бракъ, объясняя мнѣ всѣ выгоды отъ союза съ знатной и богатой фамиліей Стангенскіольдъ, всѣ непріятности отъ союза съ дѣвушкой, на семьѣ которой лежитъ пятно. Возбудивъ во мнѣ и матери эгоизмъ, тебѣ удалось внушить Мартѣ мысль заставить полюбить себя, раздражая ее вѣчными повтореніями о силѣ моей любви къ Эльвирѣ, о томъ, что я никогда не полюблю другой. Ты вела эту игру въ надеждѣ, что, разойдясь съ Эльвирою, я сдѣлаю предложеніе Мартѣ, получу отказъ и, вѣроятно, буду искать утѣшенія у тебя. Ничего не подозрѣвая, я ловко попалъ въ разставленныя сѣти. Мысль быть любимымъ Мартою сильно искушала меня; сверхъ того, я стыдился, думая о предстоящемъ родствѣ съ Бромеромъ. Но любя Эльвиру, я не имѣлъ смѣлости разойдтись съ нею, она сама отказала мнѣ. Послѣ ея отъѣзда я рѣшилъ узнать какія чувства питаетъ ко мнѣ Марта. Тебѣ извѣстно, какія у насъ пошли ссоры; Марта во всемъ видѣла признаки любви моей къ Эльвирѣ; если наступали минуты, въ которыя она вѣрила въ мою любовь, то сейчасъ же, безъ видимой причины, снова принималась за старое; я не подозрѣвалъ тогда, что всѣмъ этимъ обязанъ тебѣ. Наконецъ, наступило время отъѣзда твоего въ столицу съ полковницей; тутъ только я удостовѣрился, что ты не обманывала меня, хотя сама тому не вѣрила, говоря о любви ко мнѣ Марты. Судьба подшутила надъ тобой, превращая твою ложь въ истину; Марта, любя меня, обѣщалась выйдти за меня замужъ и выхлопотать согласіе полковника, что казалось сперва сомнительнымъ, но слабость его къ дочери побѣдила его сопротивленіе. Когда вы возвратились въ Тимасіо, насъ обручили; злость и страданіе, которыхъ ты не въ состояніи была скрыть, должны бы возбудить мое недовѣріе, но я, польщенный постоянствомъ твоей любви, оставался слѣпъ. Не буду описывать обрученія, ссоръ и дрязгъ того времени. Ты постоянно обращала мое вниманіе на презрительное обращеніе Марты со мной, неимѣющимъ ни состоянія, ни имени. Въ Мартѣ ты постоянно возбуждала сомнѣніе въ искренности моей любви. Между нами происходили безпрестанныя ссоры. Мы пріѣхали въ Висбаденъ, гдѣ Марта предалась бѣшенной страсти къ игрѣ; раздражаясь отъ проигрыша, она становилась невыносима. Мы разошлись бы тогда же, не удерживай меня расчетъ. Тутъ я встрѣтился съ Эльвирою, ставшей еще милѣе и привлекательнѣе; любовь моя проснулась съ новой силой, такъ что во мнѣ возбудилась ревность къ сэру Сиднею, очень часто сопровождавшему ее. Испугавшись близости Эльвиры, Марта совсѣмъ перемѣнилась; прежде холодная, капризная, она стала любезна, предупредительна. Она явно показывала презрѣніе къ происхожденію Эльвиры, стараясь возбудить во мнѣ прежнее нерасположеніе къ дочери ростовщика и распространить слухъ между посѣтителями минеральныхъ водъ будто отецъ Эльвиры пользовался дурной славой въ Швеціи. Это однакожь нисколько не повредило Эльвирѣ; сэръ Сидней оставался ея вѣрнымъ кавалеромъ, г-жа д'Орбо покровительствовала ей. Стараясь развѣдать что-нибудь объ отношеніяхъ англичанина къ Эльвирѣ, я узналъ отъ г. д'Орбо, что между ними, вѣроятно, скоро будетъ свадьба. Убѣдясь, что Эльвира для меня потеряна, я, пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа Марты, старался уговорить ее назначить нашу свадьбу осенью; она согласилась. Спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда Эльвиры, мы тоже уѣхали изъ Висбадена, по требованію сильно заболѣвшей полковницы, пожелавшей умереть на родинѣ. Болѣзнь ея принудила насъ остановиться въ Копенгагенѣ. Случилось, что мы пріѣхали сюда въ день свадьбы Эльвиры съ Кастертономъ и остановились въ томъ же отелѣ, гдѣ квартировали они. Я видѣлъ, какъ Эльвира поѣхала въ церковь, какъ вернулась. Я понялъ, что никогда не любилъ я ее такъ сильно, какъ въ это время. Вечеромъ молодые уѣхали. Мать Марты, повѣривъ мнѣ тайну и поручивъ упросить полковника исполнить ея послѣднее желаніе, умерла на моихъ рукахъ. По случаю смерти полковницы свадьбу отложили до весны. Ты съумѣла воспользоваться зимой, чтобы посѣять раздоръ между мною и Мартою. Понявъ, что Эльвира безвозвратно пропала для меня, я, подчиняясь голосу разсудка, переносилъ все въ ожиданіи дня, когда Марта сдѣлается моей женой. Настала весна; Марта снова отложила свадьбу до осени. Мы отправились въ Баденъ-Баденъ и встрѣтились тамъ съ Кастертономъ... Скажи Армида, положа руку на сердце, можешь ты, не краснѣя, подумать о томъ, какъ ты старалась влюбить Марту въ мужа Эльвиры, какъ ты раздражала ее противъ меня, въ тоже время убѣждая меня въ обманѣ Марты. Раздраженный и униженный, я высказалъ ей, что мнѣ извѣстно, какъ она позволяла Кастертону ухаживать за собою, обѣщавъ мнѣ не допускать его до этого, что она, бывъ моею невѣстою, ведетъ съ нимъ переписку. Вмѣсто отвѣта Марта возвратила мнѣ кольцо... Моя ненависть къ Кастертону увеличилась; вмѣстѣ съ этимъ любовь къ Эльвирѣ возгорѣлась съ новой силой. Отложивъ мысль о мести лорду и примиреніе съ Эльвирой, я принужденъ былъ подумать о будущемъ, измѣнившимся отъ разрыва съ Мартой. Пользуясь тайной, довѣренной мнѣ полковницей, я заставилъ полковника доставить мнѣ мѣсто по дипломатической части. Когда я устроилъ свою карьеру, я снова сталъ думать о мести; я вытребовалъ отъ отца Марты письма Кастертона къ ней и поѣхалъ въ Альтропъ, узнавъ, что Эльвира поселилась въ Тимасіо. Подозрѣвая новую интригу въ твоей разлукѣ съ Мартой, я догадался, что Марта поручила тебѣ добиться развода Кастертона съ женою, расчитывая потомъ занять ея мѣсто. Не стану говорить о томъ, какъ ты втянула меня въ эту интригу, заключу описаніе твоихъ вѣро-

ломныхъ поступковъ, напомнивъ тебѣ, какъ ты возбудила меня противъ сэра Сиднея до такой степени, что я изъ тщеславія и ревности рѣшился оскорбить его и вызвать на дуэль. Твои слова, будто онъ назвалъ меня дуракомъ, будто Эльвира любитъ его и, въ случаѣ развода, онъ получитъ то, къ чему я стремился, все это заставило меня рѣшить, что одинъ изъ насъ долженъ умереть. Первый выстрѣлъ принадлежалъ мнѣ, я прицѣлился, но промахнулся; пуля же Лембурна попала мнѣ въ бедро; я видѣлъ ясно, что противникъ мой не хотѣлъ убить меня, но это не помѣшало мнѣ, при наступленіи моей очереди, прицѣлиться ему прямо въ грудь; его унесли смертельно раненымъ; я былъ обрызганъ его благородною кровью. Мученія ада не принесли бы мнѣ болѣе страданія, чѣмъ извѣстіе объ его смерти. Ненависть, ревность исчезли при сознаніи убійства человѣка; оставалось горькое самообвиненіе и глубокое отвращеніе къ тебѣ, вызвавшей это преступленіе. Тебѣ не удалось уничтожить мою любовь къ Эльвирѣ; я люблю ее сильнѣе прежняго и никогда не полюблю другой женщины. Ты жестоко ошиблась, если надѣялась что, отверженный ею, я предложу тебѣ свое сердце; но владѣй ты богатствомъ и знатнымъ именемъ, я все-таки никогда не подумалъ бы связать свою судьбу съ твоею. Я ненавижу тебя за дурной, фальшивый характеръ, я презираю тебя. Твоя любовь—униженіе, проклятье! Пользуясь обстоятельствами, ты накопила столько денегъ, что беззаботно можешь ожидать будущее. Не думай, однако, что золото, пріобрѣтенное путемъ измѣны и обмана, принесетъ тебѣ радость и счастье. Нѣтъ, Армида, и твой часъ раскаянія пробьетъ, какъ пробилъ онъ для

Карла Брогрена».

Вотъ награда за всѣ труды! Вотъ какъ окончились ея интриги и обманы изъ за любви къ Карлу! Армида со злостью разорвала письмо, разрушившее всѣ ея мечты о томъ, что израненный Карлъ непремѣнно обратился къ ней.

Ночь скрыла страданія Армиды.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Ямщикъ и Сестра милосердія. Эти два рисунка являются копіями съ акварелей русскаго художника г. Павла Соколова. Этотъ «сѣрый» мужикъ съ заспанной физіономіей, только-что проснувшійся въ невеселое зимнее утро и поящій свою лошаденку, вѣрно списанъ съ натуры. Кто ѣздилъ по Россіи, тому, конечно, не разъ случалось встрѣчать подобныя физіономіи ямщиковъ. Совсѣмъ въ другой міръ переноситъ насъ вторая картина нашего художника: здѣсь тоже полусонныя лица, тотъ же полусвѣтъ разсвѣта, но здѣсь мы встрѣчаемъ иные типы. Раненый человѣкъ съ большой бородой, съ болѣзненнымъ лицомъ, съ повязкой на головѣ лежитъ на постели, мутно озаренный утреннимъ свѣтомъ; ему пора дать лѣкарство, онъ приподнялъ руку, чтобы разбудить сидящую у его постели молоденькую сестру милосердія, а между тѣмъ ему такъ жаль потревожить ее,—она, усталая, полудремлющая, такъ сладко забылась дремотой, прислонясь къ его постели съ ложкой въ рукѣ. Эта простая сценка очень мила.

Игроки и За шахматной игрой. Эти двѣ картины иностранныхъ художниковъ исполнены замѣчательно хорошо, какъ самими художниками, такъ и граверами. Здѣсь каждая физіономія типична и полна экспресіи. На картинѣ Курцбауера выраженія лицъ болѣе оживлены, тутъ болѣе страстнаго движенія; на картинѣ Ердмана преобладаетъ тихое и сосредоточенное вниманіе и обдуманность. Художникамъ на этихъ картинахъ удалось уловить и передать малѣйшія тонкости разнообразныхъ чувствъ, волнующихъ этихъ игроковъ.

Арфистка. Среди уличныхъ типовъ типы бродячихъ музыкантовъ занимаютъ не послѣднее мѣсто и эти типы являются почти вездѣ одними и тѣми же. Въ Парижѣ и въ Петербургѣ, въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ и въ русскомъ губернскомъ городѣ вы можете встрѣтить одныхъ и тѣхъ же гимнастовъ, уличныхъ музыкантовъ, уличныхъ пѣвицъ. Этотъ бродячій людъ переходитъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, руководствуясь однимъ принципомъ: ubi bene — ibi patria, гдѣ хорошо—тамъ и отечество. Среди этого люда уличныя арфистки занимаютъ не послѣднее мѣсто: таскаясь съ арфами по дворамъ, ночуя въ подвалахъ, выручая гроши, онѣ въ молодости совращаются съ честнаго пути, привыкаютъ къ бродяжничеству, доходятъ до паденія. Чѣмъ дальше подвигаются онѣ въ жизни, тѣмъ ниже онѣ падаютъ. Спасаются отъ гибели очень рѣдкія изъ нихъ. Въ старости ихъ ждетъ нищета, кабаки, богадѣльни или смерть гдѣ-нибудь на улицѣ, на большой дорогѣ, въ подвальномъ углу. Здѣсь вы видите молоденькую, недурненькую собою арфистку; это еще почти дитя, она очень симпатиччна; она производитъ грустное впечатлѣніе. Но чѣмъ будетъ она въ старости? Какъ она будетъ тогда выглядѣть? Подождите... до слѣдующаго нумера.

На прошлой недѣлѣ все русское общество было потрясено ужаснымъ извѣстіемъ: 19 ноября сдѣлано было преступное покушеніе взорвать царскій поѣздъ во время пути его слѣдованія. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ офиціально «Правительственный Вѣстникъ»:

Правительственное сообщеніе.

Московскій генералъ-губернаторъ сообщилъ по телеграфу, что 19-го сего ноября, въ 11 часовъ вечера, по курской желѣзной дорогѣ, при слѣдованіи, въ раіонѣ 7-го квартала рогожской части, дополнительнаго поѣзда съ конвоемъ, прислугою и багажемъ Его Императорскаго Величества, произошелъ взрывъ, отъ котораго поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ багажный вагонъ опрокинулся, а два пассажирскихъ встали поперегъ пути. Отъ взрыва на полотнѣ дороги образовалась яма, глубиною 2 аршина, длиною 7 и шириною 8 аршинъ. Несчастія съ людьми не произошло.

Домъ, изъ котораго ведена была мина, обнаруженъ и къ розыску скрывшихся изъ него злоумышленниковъ немедленно приступлено.

Въ дополненіе къ этому офиціальному извѣстію передаемъ и другія первыя же извѣстія:

Въ среду, 21 ноября, въ Петербургѣ международнымъ телеграфнымъ агентствомъ разосланы слѣдующія телеграмы:

Москва, 20-го ноября, вторникъ, вечеромъ. Вчера вновь совершилось чудо, вновь спасена драгоцѣнная жизнь Его Величества Государя Императора и Россія избавлена отъ великаго бѣдствія и горя. Вслѣдъ за благополучнымъ прибытіемъ Царскаго поѣзда въ Москву, когда Его Величество изволилъ уже находиться на пути въ Кремль и молился предъ чудотворною иконой Иверской Божіей Матери, около десяти часовъ вечера, подъ поѣздомъ дополнительнымъ къ Царскому, на третьей верстѣ отъ пасажирской станціи курской желѣзной дороги, послѣдовалъ взрывъ. Багажный вагонъ отброшенъ въ сторону и семь вагоновъ сошли съ рельсовъ, но никто не раненъ.

Москва, 20-го ноября, вторникъ, вечеромъ. Сегодня, въ 11 часовъ утра, былъ назначенъ пріѣздъ въ кремлевскій дворецъ, по случаю прибытія въ Москву Его Величества Государя Императора. Передъ самымъ выходомъ Его Величества, московскій предводитель дворянства прочелъ во всеуслышаніе только что полученное извѣстіе о вчерашнемъ ужасномъ событіи, которое какъ громомъ поразило всѣхъ, а затѣмъ извѣстіе о чудесномъ спасеніи вызвало всеобщую радость, ликованіе и громкіе крики «ура!» Понятно, съ какими чувствами восторга и благоговѣнія было встрѣчено появленіе Его Величества Государя Императора изъ Его апартаментовъ.

Въ 12 часовъ 10 минутъ пополудни, Государь изволилъ войти въ георгіевскую залу и, принявъ отъ городского общества хлѣбъ-соль, изволилъ обратиться къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Я радовался видѣть васъ, господа, вспоминая ваши вѣрноподданническія чувства по поводу грустнаго событія втораго апрѣля. Эти же чувства заявляемы были Мнѣ со всѣхъ концовъ Россіи, но вы уже знаете происшествіе, вчера случившееся. Господь сохранилъ Меня и всѣхъ, которые съ Мной слѣдовали въ Москву. Въ заботахъ о Россіи, Я отдалъ Себя въ руки Провидѣнія и Господь хранитъ Меня; но крамола должна быть искоренена. Я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ для уничтоженія зла, пустившаго корни. Я обращаюсь къ родителямъ дѣтей: ведите ихъ по пути истины и добра, чтобъ приготовить изъ нихъ не злодѣевъ, а полезныхъ дѣятелей, истинныхъ гражданъ Россіи».

Слова эти были покрыты восторженными, долго не умолкавшими криками «ура!» Многіе плакали; вообще зала дворца представляла такую умилительную и трогательную картину, что описать ее невозможно.

Смѣсь.

— **Эдистонскій маякъ.** Еще въ прошломъ году въ газетахъ сообщалось, что англійское правительство рѣшило перестроить Эдистонскій маякъ, т. е. воздвигнуть на одной изъ близлежащихъ къ существующему маяку скалъ новую маячную башню, которая бы возможно меньше страдала отъ разрушительнаго дѣйствія времени и моря. Фундаментъ нынѣ существующаго маяка, какъ это несомнѣнно доказано, далеко не представляетъ необходимой плотности и крѣпости, безъ которыхъ маякъ легко можетъ сдѣлаться жертвою своего постояннаго врага, уже поглотившаго не одну маячную башню, поставленную рукою человѣка на негостепріимныхъ и изолированныхъ океаномъ отъ всего живущаго скалахъ Эдистона. Эдистонскій рифъ, находящійся при началѣ Британскаго канала, въ 14 миляхъ на юго западъ отъ Плимута и въ $12^1/_2$ отъ Ремхеда, состоитъ изъ нѣсколькихъ довольно большихъ скалъ, лежащихъ на прямой линіи, соединяющей мысъ Стартъ съ Лизардскимъ мысомъ, и помѣщается, такимъ образомъ, на прямомъ пути судовъ, идущихъ вдоль южнаго берега Англіи. Скалы эти совершенно открыты океанскому волненію при западныхъ и южныхъ вѣтрахъ и море вокругъ нихъ рѣдко бываетъ спокойно, даже и въ самую тихую погоду; при вѣтрѣ же съ юга или запада, особенно при послѣднемъ, прибой моря представляетъ здѣсь ужасающую картину: волны, разбивающіяся о скалы, служащіе подножіемъ маяку, взлетаютъ вверхъ на огромную высоту, достигая почти вершины башни. Первыя работы по устройству фундамента для новаго зданія маяка происходили подъ водою и шли очень медленно, такъ какъ неспокойное состояніе моря втеченіи нынѣшняго лѣта давало мало случаевъ для трудной работы кладки фундамента. Вслѣдствіе этого, офиціальная закладка маяка, назначенная въ іюнѣ, состоялась только 19 августа. Въ этотъ день герцогъ Эдинбургскій, присутствовавшій при закладкѣ, положилъ первый камень новаго маяка. Полагаютъ, что къ лѣту будущаго года подводныя работы будутъ окончены, послѣ чего дальнѣйшая постройка башни пойдетъ скорѣе, такъ какъ море уже не будетъ въ состояніи препятствовать ей такъ часто, какъ теперь. На постройку башни будутъ употреблены огромные куски гранита, которые, по заранѣе составленнымъ чертежамъ, обтесываются и пригоняются другъ къ другу на берегу и подвозятся къ мѣсту постройки по мѣрѣ дѣйствительной въ

нихъ надобности. Толщина этихъ камней не одинаковая; составляя собою всю толщину стѣны, каждый камень вверху тоньше, чѣмъ въ низу, такъ какъ и стѣны всей башни постепенно утончаются къ верху. До высоты 26 футовъ надъ уровнемъ самаго высокаго стоянія воды кладка башни будетъ сплошная, кромѣ того мѣста, которое предназначено для большой систерны, гдѣ будетъ сохраняться привозимая для обитателей маяка прѣсная вода. Толщина стѣнъ, начинающихся выше постройки, будетъ простираться слишкомъ до 8 фут.; затѣмъ стѣны, постепенно утончаясь, дойдутъ до $2^1/_4$ футовъ. Діаметръ башни у верхняго карниза, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 130 фут., равняется $18^1/_2$ фут. Внутренность башни будетъ раздѣлена на девять комнатъ, расположенныхъ въ разныхъ этажахъ зданія, и десятаго фонаря, заключающаго въ себѣ маячный огонь, горизонтъ котораго будетъ простираться отъ 14 до 17 морскихъ миль. «Scientific American», изъ котораго заимствованы вышеупомянутыя подробности, говоритъ, что каменная кладка всего сооруженія составитъ около 5,000 тоннъ гранита; кромѣ этого матеріяла на внутреннюю отдѣлку башни будетъ употреблено еще до 50 тонъ желѣза. Во время тумановъ маякъ будетъ предупреждать проходящія суда паровой сиреной и электрическимъ свѣтомъ. Окончаніе новой башни Эдистонскаго маяка ожидается не ранѣе пяти лѣтъ и полная ея стоимость опредѣляется по смѣтѣ въ 350,000 долларовъ, что составитъ на русскія деньги около 600,000 рублей.

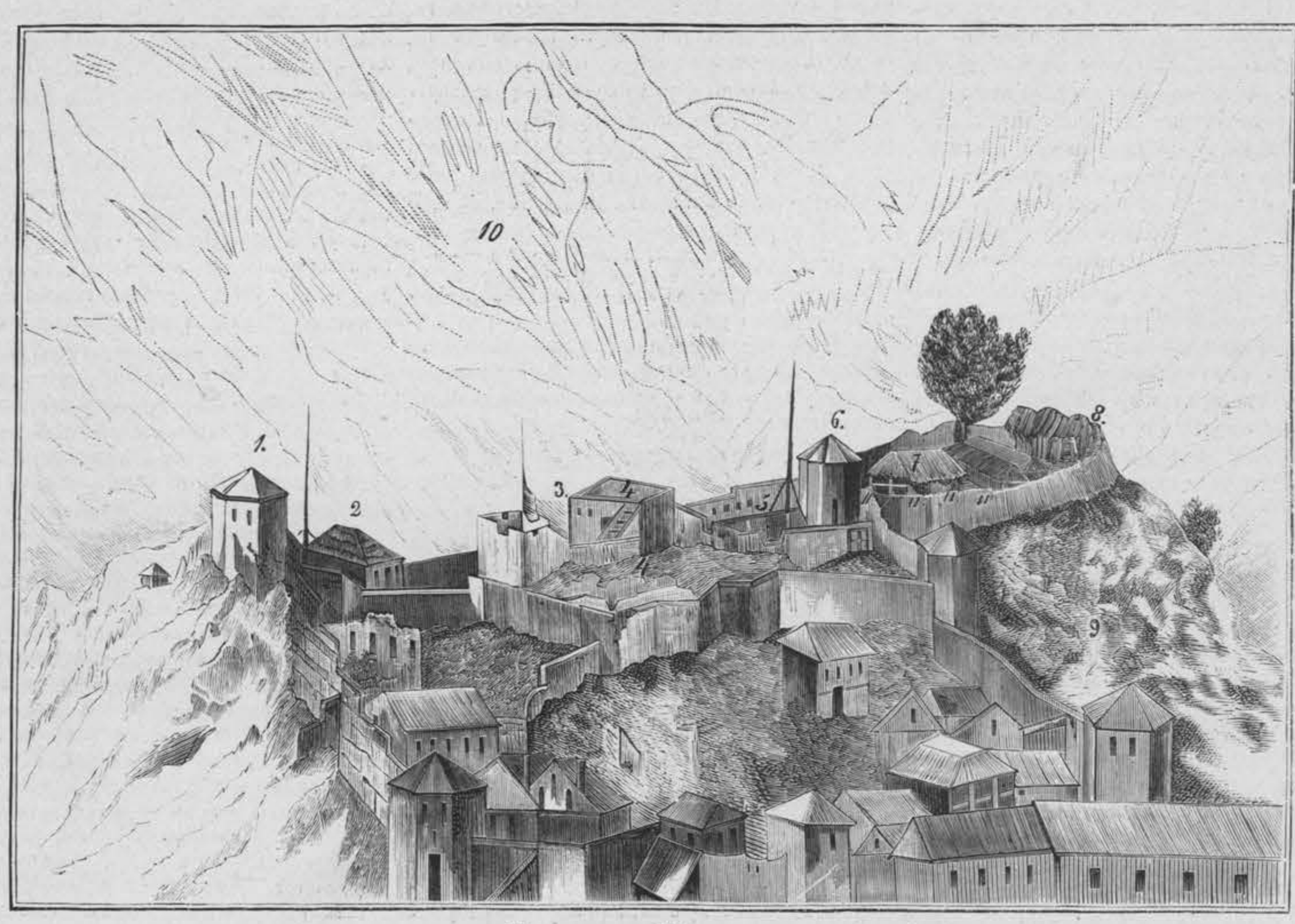
— **Асмансгаузенъ.** Направляясь изъ Висбадена въ Вецларъ, вы должны миновать небольшое поселеніе Асмансгаузенъ (см. рис. стр. 465), имѣющее не болѣе 775 жителей и извѣстное лучшимъ изъ рейнскихъ красныхъ винъ, о воздѣлываніи котораго упоминается уже въ 1108 г. Въ этомъ мѣстечкѣ вы найдете остатки римскихъ и средневѣковыхъ купаленъ; у самаго берега Рейна здѣсь есть минеральный источникъ, подобный эмскимъ водамъ; здѣсь путешественнику представляется одинъ изъ превосходнѣйшихъ рейнскихъ пейзажей. Но Асмансгаузенъ отличается и еще одною достопримѣчательностью—замѣчательнымъ камнемъ, скалою, если хотите, возвышающеюся противъ мѣстечка. Этотъ-то камень, похожій по формѣ на стволъ гигантской пальмы, не разъ останавливалъ вниманіе туристовъ, посѣщавшихъ Асмансгаузенъ. Нашъ рисунокъ заимствованъ изъ прекраснаго альбома одного изъ нашихъ петербургскихъ художниковъ-любителей, г. Циммермана, любезно предложившаго намъ пользоваться его разнообразными этюдами съ натуры, въ числѣ которыхъ есть множество видовъ русскихъ и заграничныхъ мѣстностей.

— **Интересная процесія.** По улицамъ Гласго, города, столь сильно пострадавшаго отъ краха «City and Glasgow Bank», а также вслѣдствіе совершеннаго упадка желѣзной промышленности, происходило недавно любопытное шествіе «нуждающихся жителей, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію». Громадная процесія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, двинулась по главнымъ улицамъ города, съ цѣлію заявить населенію о своемъ бѣдственномъ положеніи и требовать помощи. Для сохраненія порядка, шествіе сопровождалось 30 констеблями, придававшими процесіи офиціальный характеръ. Передъ процесіею несли большіе флаги, на которыхъ крупными буквами было написано: «Мы нуждаемся въ работѣ. Намъ не нужно благотворительности или помѣщенія въ рабочемъ домѣ».

— **Изъ хроники спиритизма.** «Holydau Courier» сообщаетъ о совершившемся недавно въ средѣ ревностныхъ поклонниковъ спиритизма бракѣ между дочерью какого-то Исаака Итона изъ Левенворта, въ Америкѣ, умершей трехнедѣльнымъ ребенкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и Веніаминомъ Пірсъ, на двѣнадцатомъ году болѣе 26 лѣтъ тому назадъ лишившимся жизни при несчастіи на желѣзной дорогѣ. Празднество это, несомнѣнно относящееся къ области фантазіи экзальтированныхъ фанатиковъ, съ мельчайшими подробностями описывается нѣкоторыми изъ спиритовъ, принимавшихъ участіе въ немъ, при чемъ упоминаются и фамиліи лицъ, приглашенныхъ на свадьбу изъ страны духовъ. Невѣста, по ихъ описанію, была одѣта въ свѣтлозеленое платье; женихъ, сынъ покойнаго Франклина Піерса, четырнадцатаго президента Соединенныхъ Штатовъ, танцовалъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Остается только ожидать, прибавляетъ американская газета, что новымъ празднествомъ спиритовъ въ недалекомъ будущемъ будутъ «крестины въ странѣ духовъ».

— **Тряпичная болѣзнь.** За послѣднее время австрійскіе врачи занимались изслѣдованіемъ болѣзни, сущность которой еще неизвѣстна. Встрѣчая ее исключительно на бумажныхъ фабрикахъ, ее назвали тряпичной болѣзнью. Признаки этой болѣзни слѣдующіе: слабость, потеря апетита, безсонница, рвота; на второй или на третій день синѣютъ губы, щеки и ногти, является холодный потъ и отеки легкихъ. Смерть спокойна, если только болѣзнь не осложняется легочными завалами. Брюшныхъ явленій не замѣтно, въ мочѣ отсутствіе бѣлковины. При вскрытіи оказываются различныя повреждения легкихъ, не имѣющія особеннаго свойства. На одной изъ фабрикъ въ окрестностяхъ Глогница (южная Австрія) втеченіи года умерло отъ этой болѣзни 14 человѣкъ. Д-ръ Опивье (изъ Анжиро), посѣтивъ въ 1813-мъ году тряпичные склады при бумажныхъ фабрикахъ, испыталъ на себѣ этотъ недугъ. Въ нижней Австріи болѣзни этой подвергаются преимущественно женщины, занимающіяся сортировкой бѣлаго тряпья; сортирующія же цвѣтное—не заболѣваютъ. Въ сортировочныхъ отдѣленіяхъ всѣ работницы страдаютъ хроническою болѣзнью легкихъ. 28 іюля 1870 года

КЪ СТ. ПРИ ОСАДѢ НИКШИЧА.

Цитадель Никшича.

(Видъ съ осадн. батар. на Црномъ валѣ до бомбардированія.) Рисовалъ съ натуры **Н. Гейслеръ.**

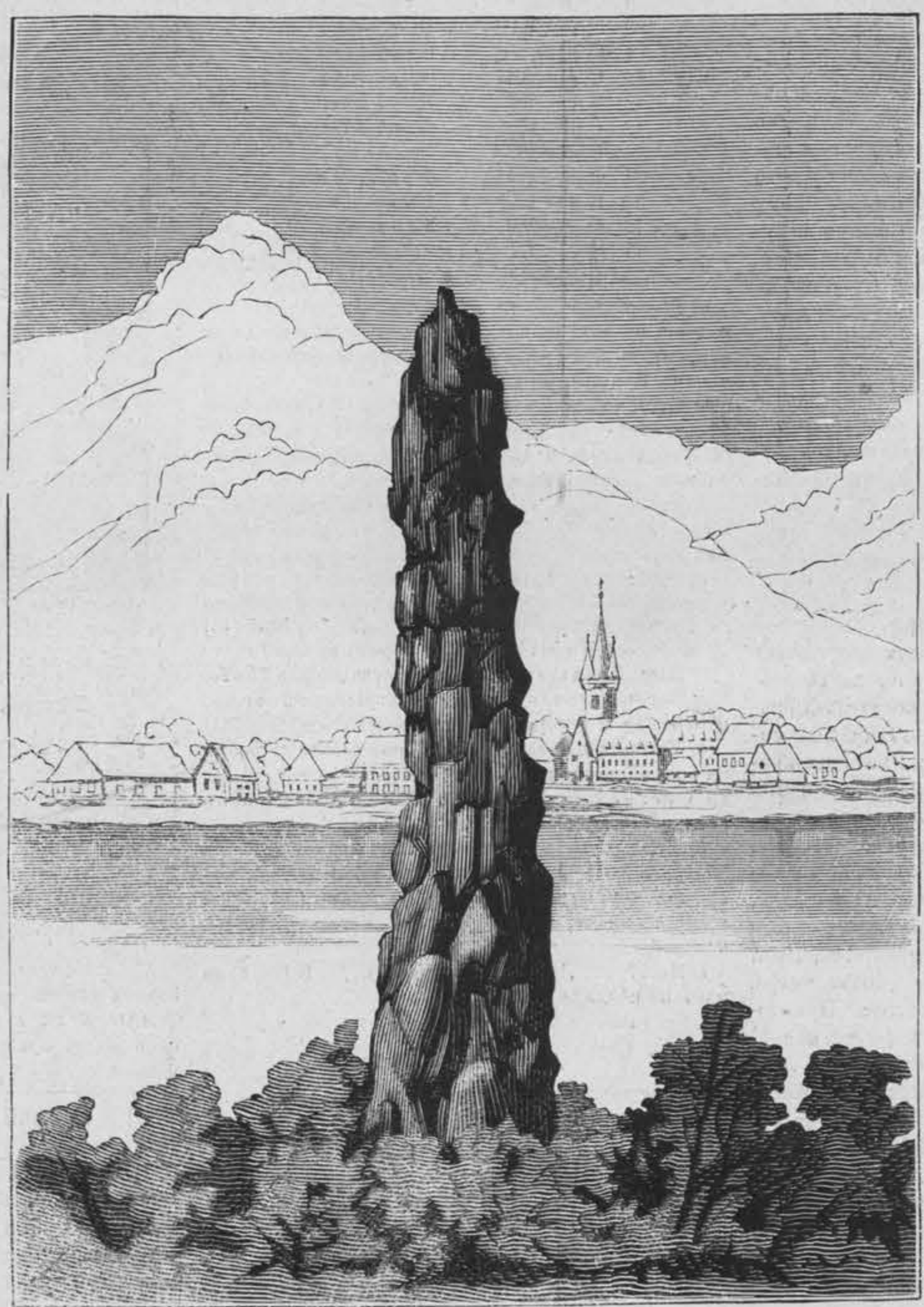
1) башня Небойша *); 2) казарма; 3) Табія съ крѣп. знаменемъ; 4) амбразуры батар., дѣйствов. по Црному валу; 5) блиндажъ **) и амбраз. батар., дѣйствов. по Умаку; 6) пороховая бѣлая башня; 7) паркъ лафетовъ; 8) блиндажъ съ 3 орудіями; 9) подъемъ въ цитадель; 10) Студенацкія высоты; 11) палатки.

*) Впослѣдствіи сильно потерпѣвшая отъ нашихъ выстрѣловъ. **) Потомъ взорванный нашимъ снарядомъ.

австрійское правительство для устраненія вышеописанной болѣзни приняло слѣдующія мѣры: врачамъ было предписано наблюдать за тѣмъ, чтобы: 1) трянье, негодное къ употребленію и пропитанное гнойными веществами, было уничтожено и отнюдь не продавалось бы тряпичникамъ, и 2) чтобы всѣ ткани (полотняныя, бумажныя, шерстяныя и пеньковыя), годныя къ употребленію, подвергались предварительно тщательной дезинфекціи. Леви, находя недостаточными эти предосторожности, предлагаетъ еще слѣдующія мѣры: работницамъ, работающимъ на бумажныхъ фабрикахъ, слѣдуетъ объяснять опасность, которой онѣ подвергаются, вдыхая въ себя пыль отъ трянья. Сортировочныя комнаты надо хорошо провѣтривать, въ особенности во время прекращенія работъ; рабочія одежды оставлять на фабрикѣ; каждую работницу снабдить респираторомъ, который она не должна снимать во время работы, и, наконецъ, предоставлять бумажнымъ фабрикамъ сортировку одного только мытаго и, еще не просохшаго трянья. За исключеніемъ послѣдняго требованія, противъ котораго непремѣнно возстали бы фабриканты, мѣры, предлагаемыя г. Леви, весьма полезны и доступны. Дѣло въ томъ, что въ подобныхъ вопросахъ является необходимость согласовать интересы общественнаго здоровья съ интересами промышленности и, по нашему мнѣнію, предварительная дезинфекція посредствомъ возвышенной температуры съ прибавленіемъ въ случаѣ необходимости дезинфектирующихъ паровъ въ данномъ случаѣ всего лучше соотвѣтствуетъ цѣли. Дѣйствіе возвышенной температуры быстро, почти мгновенно, а потому сберегаетъ время; теплота не измѣняетъ ни качества, ни цвѣта товара, что очень важно при тряпичной торговлѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что и въ лазаретахъ необходимо ввести апараты дезинфекціи, дѣйствующіе посредствомъ возвышенной температуры. Апараты эти необходимы для очищенія какъ привознаго, такъ и внутренняго трянья. Въ Марсели правила эти должны быть введены въ самомъ непродолжительномъ времени. Надо надѣяться, что и прочіе города, въ которыхъ есть бумажныя фабрики, послѣдуютъ этому благому примѣру.

— **Опера Гольдмарка «Царица Савская».** Не многимъ композиторамъ новѣйшаго времени удалось добиться успѣха, меньше же всѣхъ тѣмъ, которые за недостаткомъ собственнаго вдохновенія, ищутъ славы, подражая извѣстному реформатору въ музыкѣ — Рихарду Вагеру. Нѣкоторые изъ этихъ подражателей присвоили себѣ блестящую манеру знаменитаго маэстро, не заботясь при этомъ о сохраненіи древняго стиля въ избранномъ ими сюжетѣ. Къ послѣднимъ принадлежитъ также и Карлъ Гольдмаркъ, опера котораго «Царица Савская» имѣла большой успѣхъ на придворномъ театрѣ въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ. Либретто, написанное Мозенталемъ, грѣшитъ многими существенными недостатками: излишними эфектами, неправильной обрисовкой главныхъ характеровъ, отсутствіемъ возвышенныхъ, благородныхъ страстей и преобладаніемъ чувственныхъ возбужденій. Кромѣ того можно упрекнуть автора въ злоупотребленіи постановкой священныхъ обрядовъ, въ перерывахъ дѣйствія торжественными шествіями, а также и такими особенностями, какъ недостатокъ картинности и искуственное размѣщеніе такихъ положеній, при которыхъ инструментальная способность композитора выдается особенно ярко. Первое дѣйствіе начинается торжественными приготовленіями къ пріему царицы Савской ко двору царя Соломона. Любимецъ царя, Ассадъ, женихъ Суламиты, дочери первосвященника, посланный на встрѣчу высокой гостьѣ, возвращается назадъ съ извѣстіемъ объ ея прибытіи. Невѣста радушно привѣтствуетъ его, но онъ отвертывается отъ нея, объявляя при этомъ, что «онъ не дерзаетъ поднять глаза на ея невинное лицо». Подобный образъ дѣйствій возбуждаетъ всеобщее удивленіе присутствующихъ и царь требуетъ отъ Ассада отчета въ его путешествіи. Ассадъ откровенно разсказываетъ все, что съ нимъ случилось. Царицу ему не дозволено было видѣть безъ покрывала. Далѣе онъ описываетъ происшествіе, случившееся съ нимъ лунною ночью, свою встрѣчу съ прекрасной незнакомкой, которая плѣнила его и отвѣчала ему взаимностью!.. Съ тѣхъ поръ онъ терзается угрызеніями совѣсти въ отношеніи своей невѣсты. Тутъ ужь предчувствуется завязка, которая разрѣшается главной сценой 1-го дѣйствія, по прибытіи царицы. Ослѣпленный красотой чужестранки, народъ громко выражаетъ свой восторгъ, но Ассадъ увлеченъ сильнѣе всѣхъ и вопреки всѣмъ правиламъ придворнаго этикета онъ смѣло приближается къ высокопоставленной гостьѣ и узнаетъ въ ней женщину, которая осчастливила его въ ту достопамятную ночь. Онъ осмѣливается напомнить объ этомъ царицѣ, но она, ни мало не смутившись, отталкиваетъ его съ словами: «Безумный, я тебя не знаю!» Однако, это не мѣшаетъ ей обратить вниманіе на участіе, которое ему оказываютъ присутствующіе и слышать объ его предстоящей свадьбѣ. Второе дѣйствіе происходитъ сначала въ саду царя Соломона, а затѣмъ въ храмѣ. Прогуливаясь ночью, царица узнаетъ отъ своей прислужницы, что несчастный Ассадъ находится вблизи отъ нихъ. Не желая уступить его соперницѣ, коварная женщина приказываетъ привести его. Легкомысленный Ассадъ снова увлекается страстными ласками очаровательницы. Въ это время его отыскиваютъ прислужники храма и, не давая ему очнуться отъ любовнаго опьяненія, ведутъ его къ алтарю. Когда вѣнчаніе доходитъ до обмѣна колецъ, появляется царица со свадебными подарками. Явленіе это такимъ одуряющимъ образомъ дѣйствуетъ на Ассада, что онъ точно безумный стремится къ своему кумиру. Даже заклинанія священниковъ не въ состояніи заставить его опомниться и онъ такимъ образомъ становится богохульникомъ. Присутствующіе приступаютъ къ царицѣ съ расспросами, но она отказывается отъ всякихъ объясненій и вторично отрекается отъ своего возлюбленнаго, публично поражая его ледяными словами: «Я тебя не знаю, я тебя никогда не видала!» Ассада схватываютъ, чтобы вести на судъ, но царь Соломонъ освобождаетъ его, объявляя при этомъ, что «его судьей будетъ самъ царь!» Въ третьемъ актѣ возникаетъ преніе между царицей Савской, которая въ припадкѣ раскаянія требуетъ помилованія Ассада, и царемъ Соломономъ, подозрѣвающимъ ее въ коварствѣ. Преніе ведетъ къ полнѣйшему разрыву и къ угрозамъ. Ассадъ, осужденный на изгнаніе въ пустыню, умираетъ отъ бури послѣ свиданія съ Суламитой, утѣшающей его словами, полными самой преданной любви. Музыка Гольдмарка мѣстами не лишена прелести; выдающуюся роль играетъ въ этомъ произведеніи оркестръ, въ сравненіи съ которымъ пѣніе совершенно стушевывается. Надо замѣтить также и то, что постановка картинъ, балетъ, шествіе и т. п., удались композитору гораздо лучше, чѣмъ драматическія сцены. Музыку Гольдмарка можно сравнить съ живописью Макарта, которой при изысканной пышности и восхитительности отдѣлки, не достаетъ выдѣляющихся штриховъ. Нѣкоторые звуки въ этой оперѣ напоминаютъ Берліоза, Рубинштейна и Листа, сценическія же фразы и музыкальное ихъ примѣненіе смахиваютъ на Гуно, Верди, Мейербера. Сходство съ этимъ послѣднимъ композиторомъ дополняется еще большимъ пристрастіемъ къ бравурнымъ унисонамъ. Понятно, что, находясь подъ такимъ разностороннимъ вліяніемъ, композиторъ не могъ воспроизвести ничего цѣльнаго и оригинальнаго. Характернѣе всего у него вышла церковная музыка, которая превосходно выражаетъ религіозное настроеніе іудейской общины въ ея патріархальной простотѣ. Восхитительную арію поютъ ра-

ИЗЪ МІРА ПРИРОДЫ.

Скала передъ Асмансгаузеномъ.

Съ натуры рисовалъ **г. Циммерманъ**, рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»**.

быни Астароты (во 2-мъ дѣйствіи) подъ акомпаниментъ рѣдкихъ акордовъ. Арія, привлекающая Ассада въ царскій садъ, тоже прелестна.

— **Дважды повѣшенный.** По поводу казни убійцы и грабителя Іоганна Модараша въ Мадьярской газетѣ приводится въ доказательство того, что казнь не дѣйствуетъ на народъ устрашительно, слѣдующій разсказъ одного судьи: Одинъ разбойникъ былъ приговоренъ въ Симоне къ смертной казни. Послѣ казни преступника съ висѣлицы не сняли. Проѣзжавшій мимо извощикъ, увидавъ болтавшееся тѣло, снялъ его, положилъ къ себѣ на телѣгу и поѣхалъ далѣе. Дорогою повѣшенный пришелъ въ себя, горячо поблагодарилъ своего спасителя и угостилъ его виномъ въ маленькой харчевнѣ, находившейся около дороги. Извощикъ опьянѣлъ и крѣпко заснулъ. Когда онъ проснулся, грабитель, оказалось, уѣхалъ на его лошади. Извощикъ отправился къ судьѣ и объяснилъ ему свое горе, но судья посовѣтовалъ ему не начинать дѣла, такъ какъ иначе онъ подвергнется отвѣтственности за то, что снялъ повѣшеннаго съ висѣлицы. Но извощикъ, не желая прощать своей потери, придумалъ ему такое наказаніе. Онъ нашелъ повѣшеннаго, остался у него ночевать и когда тотъ заснулъ, онъ связалъ ему руки, повѣсилъ его по всѣмъ правиламъ искуства и ждалъ, пока тотъ не умретъ, для того, чтобы онъ не могъ очнуться, какъ очнулся въ первый разъ. Но люди видѣли, какъ онъ вѣшалъ, донесли на него и его арестовали. Случай этотъ былъ до крайности сложенъ. Слѣдовало ли его наказать за то, что онъ снялъ повѣшеннаго и тѣмъ остановилъ дѣло правосудія, или за то, что повѣсилъ человѣка? Приговоры различныхъ инстанцій не были одинаковы. Наконецъ, послѣдняя инстанція оправдала извощика на томъ основаніи, что онъ снова пустилъ въ ходъ прерванное исполненіе смертнаго приговора, что не есть преступленіе.

— **Фабрика Гизкота въ Лефборо.** Въ настоящее время фабрика Гизкота, впродолженіи двухъ поколѣній служившая центромъ многихъ печальныхъ событій, сгорѣла до-тла. Основатель фабрики, мистеръ Гизкотъ, изобрѣлъ въ 1800 году новую машину для вязанія кружевъ, которая произвела полнѣйшій переворотъ въ фабрикаціи этой отрасли промышленности. Введеніе этой машины, замѣнившей ручную работу, произвело волненіе. Въ 1816 году толпа народа, вооруженная пистолетами, топорами и ножами, напала на фабрику, избила вооруженныхъ смотрителей, ранила одного изъ нихъ, разбила 55 дорогихъ машинъ, изрѣзала и сожгла кружева и произвела убытка болѣе, чѣмъ на 10,000 фунтовъ стерлинговъ. Нѣкоторые изъ участниковъ этого безпорядка свидѣтельствовали противъ своихъ товарищей и Лейчестерская судебная палата приговорила шесть человѣкъ къ смертной казни за попытки совершить огнестрѣльнымъ оружіемъ убійства. Они были казнены и кромѣ нихъ тотъ же самый судъ приговорилъ къ смертной казни еще 23 человѣка. Такая масса казненныхъ была въ то время не рѣдкость. Между первыми шестью повѣшенными былъ одинъ человѣкъ, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ поджегъ кучу сжатаго хлѣба.

— **Изъ преисподней.** Московскій издатель Леухинъ прославился нынче на всю Европу. Вѣнская газета «Presse» называетъ его московскимъ ученымъ и говоритъ, что онъ открылъ образы и фигуры обитателей ада и на этихъ дняхъ выпустилъ книгу подъ заглавіемъ «Тайны ада и его обитателей», съ 70 фотографическими картинками, изображающими чертей, начиная отъ архи-сатаны до самаго маленькаго хромоногаго чорта. Объ этой книгѣ Леухинъ объявляетъ такимъ образомъ: «До сихъ поръ мы имѣли только смутное понятіе о страшномъ судѣ, о мукахъ, ожидающихъ насъ въ подземномъ царствѣ, а теперь, послѣ долгихъ и нечеловѣческихъ усилій, намъ, наконецъ, удалось (?) разъяснить всѣ темные вопросы и представить достовѣрное описаніе ада и его обитателей. Мы говоримъ «достовѣрное», потому что пользовались учеными изслѣдованіями и фактами. Приложенные 70 оригинальныхъ фотографическихъ снимковъ съ обитателей ада и изображеніе «страшнаго суда» даютъ намъ наглядное понятіе обо всемъ, что до сихъ поръ было тайной...»

Шахматный отдѣлъ.

ПАРТІЯ № 3.

Гамбитъ Эванса.

Играна въ Клевеландѣ (Соед. Шт. Сѣв. Амер.).

Мекензи *).	Три любителя по консультаціи.
Бѣлые	*Черные*
1. e2—e4	e7—e5
2. К g1—f3	К b8—c6
3. С f1—c4	С f8—c5
4. b2—b4 *a*	С c5 : b4
5. c2—c3	С b4—c5
6. d2—d4	e5 : d4
7. 0—0	d7—d6 *b*
8. c3 : d4	С c5—b6
9. К b1—c3 *c*	К c6—a5
10. С c1—g5 *d*	К g8—e7 *e*
11. К c3—d5!	К a5 : c4
12. С g5 : e7	Ф d8—d7
13. С e7—f6	0—0 *f*
14. Ф d1—c1!	Ф d7—g4 *g*
15. К d5—e7 †	Кр g8—h8
16. Ф c1—h6!	С c8—f5 *h*
17. К e7 : f5	черные сдали партію. *i*)

Примѣчанія къ партіи.

a) Бѣлые жертвуютъ пѣшку, чтобы рядомъ нападеній на фигуры противника скорѣе развить свою игру; этотъ ходъ въ первый разъ употребилъ англичанинъ Капт. Эвансъ.

b) Если черные возьмутъ пѣшку c3 пѣшкой, то бѣлые отвѣтятъ 8. С c4 : f7 †, Кр e8 : f7; 9. Ф d1—d5 †, возвращаютъ фигуру, лишивъ черныхъ рокировки и разстроивъ ихъ игру.

c) Здѣсь также играютъ 9. d4—d5, К c6—a5; 10. С c1—b2, К g8—e7 (К a5 : c4; 11. С b2 : g7, выигрывая качество); 11. С c4—d3 и т. д.

d) Этотъ ходъ дѣлается съ цѣлью вызвать отвѣтъ черныхъ f7—f6 (лучшій ходъ) и тѣмъ нѣсколько скомпрометировать игру ихъ: 11. С g5—h4, К a5 : c4; 12. Ф d1—a4 † и затѣмъ ферзь беретъ коня c4.

e) Плохой ходъ; лучшій ходъ всетаки былъ f7—f6.

f) Черные, взявъ слона, проигрываютъ ферзя; партія ихъ и теперь очень плоха.

g) Если черные защищаютъ коня c4 или играютъ имъ на a5, послѣдуетъ: 15. К d5—e7 †, Кр g8—h8; 16 С f6 : g7 †, Кр h8 : g7; 17. Ф c1—g5 † и матъ въ слѣдующій ходъ.

h) Черные не имѣютъ средствъ къ защитѣ; на 16. ... Л f8—g8, бѣлые играютъ 17. К f3—g5, вынуждая черныхъ жертвовать ферзя, во избѣжаніе мата; очевидно, что черные не могли брать Сл. пѣшкой.

i) На 17. ... Л f8—g8 послѣдуетъ 18. К f3—g5 и матъ не позднѣе 3-го хода.

ПАРТІЯ № 4.

Дебютъ двухъ коней.

(Бѣлые даютъ въ этой партіи впередъ ладью a1)

П. Морфи **).	Г-нъ N..
Бѣлые	*Черные*
(Безъ Л a1)	
1. e2—e4	e7—e5
2. К g1—f3	К b8—c6
3. С f1—c4	К g8—f6
4. К f3—g5	d7—d5
5. e4 : d5	К f6 : d5 *a*
6. К g5 : f7!	Кр e8 : f7
7. Ф d1—f3 †	Кр f7—e6
8. К b1—c3	К c6—d4 *b*
9. С c4 : d5 †	Кр e6—d6
10. Ф f3—f7	С c8—e6 *c*
11. С d5 : e6	К d4 : e6
12. К c3—e4 †	Кр d6—d5
13, c2—c4 †	Кр d5 : e4
14. Ф f7 : e6	Ф d8—d4
15. Ф e6—g4 †	Кр e4—d3
16. Ф g4—e2 †	Кр d3—c2
17. d2—d3 †	Кр c2 : c1 *d*
18. 0—0 † и матъ.	

Примѣчанія къ партіи.

a) Слѣдуетъ играть 5. ... К c6—a5 (см. примѣч. къ партіи № 2).

b) Лучшій ходъ здѣсь К c6—e7. Черные, разсчитывая на лишнюю ладью, отдаютъ коня, желая избавиться отъ атаки; нужно однако умѣнье, чтобы наисильнѣйшимъ образомъ воспользоваться ошибкой черныхъ; послѣдующая атака бѣлыхъ ведена прекрасно.

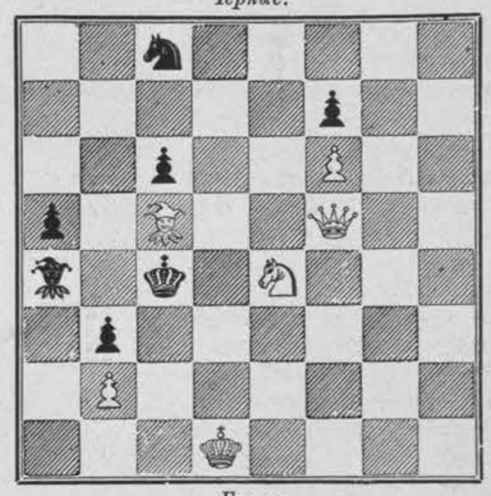
c) Бѣлые угрожали матомъ К c3—e4.

d) Партія замѣчательна по курьезному положенію короля черныхъ. Черные могли продлить партію, играя Кр c2—b1, но спасти ее не могутъ; тогда послѣдуетъ 18. Ф e2—d1, Кр b1 : a2 (18. ... С f8—b4 †, 19. С c1—d2 † и т. д.); 19. Ф d1—a4 † Кр a2—b1; 20. 0—0 и выигрываютъ ферзя или даютъ матъ въ нѣсколько ходовъ.

ЗАДАЧА № 5.

Ф. Клетта (въ Штутгартѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 2 (въ № 45)

1. С c2—a4 / Л h6—h2	2. К f4—g6 † / Кр e5—d5	3. К b5—c7 X
1. ... / С a7—b8 или К d7—b6	2. К b5—d4 / какъ угодно	3. c3 : d4 или К d4—c6 X
1. ... / С g8—f7 (h7)	2. К b5—d6 / какъ угодно	3. К d6—f7 или c4 X

ОТВѢТЫ.

К. Сердешневу. Отвѣтъ послѣдовалъ другому лицу. Задача рѣшена вами вѣрно.

А. Ѳ. К. (Прилуки). Задача № 1 имѣетъ только одно рѣшеніе и нѣсколько варіантовъ, а это не одно и тоже.

---

*) Американецъ Мекензи участвовалъ на парижскомъ международномъ турнирѣ 1878 г. и получилъ 4-ый призъ; онъ считается первымъ по силѣ игрокомъ въ Америкѣ.

**) Американецъ Пауль Морфи, геніальный шахматный игрокъ, былъ признанъ, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, первымъ по силѣ игрокомъ во всемъ свѣтѣ, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ надъ всѣми тогдашними европейскими знаменитостями. У извѣстнаго Андерсена, считавшагося первымъ игрокомъ въ Европѣ, Морфи выигралъ въ матчѣ (состязаніи на опредѣленное число партіи) 7 партій и проигралъ только 2.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Литературная премія будетъ разослана гг. подписчикамъ при 51 №.

II. Редакціей заготовлены рамки различныхъ цѣнъ для преміи будущаго года **«Малороссіянки»**, К. Е. Маковскаго. Рамки изъ золоченнаго багета разнообразныхъ рисунковъ можно пріобрѣтать въ Редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ: **1 р. 25 коп., 1 р. 75 коп., 2 руб., 2 р. 50 коп., 3, 3 р. 50 коп., 4 р. 75 коп., 5 р. 50 коп.** и **6 руб.** Рамки для двухъ остальныхъ премій: **«На перевязочный пунктъ»**, пр. Ковалевскаго и **«Явленіе Христа народу»**, Иванова изготовляются и о цѣнѣ ихъ будетъ объявлено въ свое время.

III. Редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстными заграничными издателями олеографическихъ картинъ и можетъ предложить по цѣнамъ, значительно уменьшеннымъ собственно для гг. подписчиковъ на «Живописное Обозрѣніе», слѣдующія картины извѣстныхъ художниковъ;

Названіе картины.	Цѣна картины.		Пересылка.		Рамки для картинъ.		Перес. карт. въ рамахъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1. **Шаплена.** «Дѣвушка»........	»	45	»	25	1	»	»	75
2. Его же. «Дѣвушка............	»	45	»	25	1	»	»	75

	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
3. **Эркмана.** «Любовное письмо»....	»	60	»	30	1	75	1	»
4. **Киллера.** «Зима въ Нормандіи»..	»	60	»	30	1	75	1	»
5. **Астудицъ.** «Видъ».	»	60	»	30	1	75	1	»
6. **Тена.** «Мыльные ные пузыри».....	1	25	»	40	2	50	1	25
7. Его же «Хорошъ портретъ?».....	1	25	»	40	2	50	1	25
8. **Жильбера.** «Въ будуарѣ».......	1	25	»	40	2	50	1	25
9. Его же. «На кухнѣ»...........	1	25	»	40	2	50	1	25
10. **Лемера.** «Проба голоса»........	1	70	»	50	2	75	1	30
11. **Морлона.** сц. «Изъ Севильскаго цирюльника»......	2	»	»	50	3	»	1	30
12. Его же. «Изъ Свадьбы Фигаро».	2	»	»	50	3	»	1	30
13. **Ригера.** «Въ Аппеннинахъ»......	2	25	»	75	6	»	1	75
14. **Краузе.** «Улица въ Дуврѣ»......	2	25	»	75	6	»	1	75
15. **Дунтце.** «Утро въ Нордфіордѣ»..	2	25	»	75	6	»	1	75
16. Его же. «Вечеръ въ Зюдфіордѣ»..	2	25	»	75	6	»	1	75
17. **Козеля.** «Плохо училась».......	2	50	»	50	3	»	1	50
18. **Барабеля.** «Въ саду»...........	2	50	»	75	5	50	1	50
19. **Каульбаха.** «Знатная венеціанка»..	7	50	1	25	10	»	2	»
20. Его же. «Знатная голландка».....	7	50	1	25	10	»	2	»
21. **Макарта.** «Средневѣковая знатная дама».......	10	»	1	50	10	50	2	50
22. **Зихеля.** «Марія Стюартъ, отправляющаяся на казнь»........	13	50	1	50	10	50	2	50

Рамки можно заказывать и на другія цѣны. Для устраненія недоразумѣній, просимъ гг. подписчиковъ выписывая картину въ рамѣ исчислять цѣну за нее такъ: къ цѣнѣ картинъ прилагается стоимость рамки и цѣна пересылки съ рамою. Такъ, выписывая № 18 слѣдуетъ прислать: цѣна картины 2 р. 50 к., рамки 5 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к., всего 9 р. 50 коп.

IV. Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ по **уменьшенной** цѣнѣ слѣдующіе фотографическіе снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, произведенные въ извѣстной петербургской фотографіи г. Каррика:

БОЛЬШОЙ ФОРМАТЪ.

Цѣна наклееннымъ 2 р. 50 коп.
ненаклееннымъ 75 коп.

Зичи (бывшій придвор. художникъ).

1—3. Сцены изъ «Демона», Лермонтова.
4—10. Сцены изъ охоты Е. И. Величества.
11—12. Сцены изъ Донъ-Жуана, Байрона.
13. Рафаэль и Форнарина.
14. Пляшущая цыганка.
15. Клеопатра.
16. Наставленіе матери.
17. Оргія миньоновъ.
18. Грабежъ погреба солдатами.
19. Лютеръ въ Вартбургѣ.
20. Фаустъ.
21. Сатиръ и нимфа.
22. Belle Hélène (виньетка попури).
23. Еврейскіе мученики.
24. Фальстафъ среди женщинъ.
25. Ришелье.
26. Мессія.
27. Маскарадъ.
28. Сцена изъ жизни Генриха III.
29. Портретъ актера Самойлова.
30. Пони и олень.

СРЕДНІЙ ФОРМАТЪ.

Наклеен.—1 руб. 25 коп., ненаклеен 30 коп.

Проф. **Ге.**

31. Пушкинъ въ изгнаніи.
32. Петръ I, допрашивающій царевича Алексѣя.
33. Екатерина у гроба Петра III.
34. Христосъ въ саду Гефсиманскомъ.
35. Портретъ А. С. Пушкина.

Крамской.

36. Христосъ въ пустынѣ.
37. Созерцатель.
38. Сонъ въ майскую ночь (изъ Гоголя).

Клодтъ.

39. Не доглядѣли.
40. Антикварій.
41. Царскій теремъ.
42. Прощанье.

Журавлевъ.

43. Благословеніе къ вѣнцу.
44. Крикунъ.
45. Купальщица.
46. Мачиха.

Зичи.

47. Зѣвака.
48. Фальстафъ въ тюрьмѣ.
49. Нечего перекусить.
50. Кающійся монахъ.

Савицкій.

51. Ремонтъ жел. дороги.
52. Съ нечистымъ водится.
53. Англичане въ Овернѣ.
54. Охотникъ.
55. Пожаръ въ деревнѣ.

Гунъ.

56. Самарка.
57. Одалиска.

Плѣшановъ.

58. Убіеніе царевича Димитрія.

Тютрюмовъ.

59. Нимфа.
60. Венера.

Литовченко.

61. Офелія.
62. Христосъ въ саду Гефсиманскомъ.
63. Іоаннъ Грозный и послы Англіи.

Васнецовъ.

64. За чаемъ.
65. Нищіе поютъ Лазаря.

Чистяковъ.

66. Бояринъ (имѣется и большой форматъ).

Прянишниковъ.

67. Французы въ 1812 г.

Саламаткинъ.

68. Поздравленіе съ новымъ годомъ.

Лемохъ.

69. Старушка съ просвирой.

Корзухинъ.

70. Бабушка и внучка.
71. Исповѣдь.

Келлеръ.

72. Ангелъ съ кадиломъ.

Мясоѣдовъ.

73. Мужикъ (этюдъ).

Богдановъ.

74. На взморьѣ.
75. У дилижанса.

Волковъ.

76. Зимній пейзажъ.
77. Лѣсъ зимою.
78. Болото.
79. Передъ ливнемъ.

Шишкинъ.

80. Песчаный берегъ.
81. Этюдъ лѣса.

Орловскій.

82. Коровы.
83. Сѣнокосъ.
84. Зимнее утро въ лѣсу.

Таубе.

85. Обгорѣлые пни.

Трутовскій.

86. Нищіе у церкви.
87. Отказъ жениху.

Лагоріо.

88. Замокъ Тамары.

И. Маковскій.

89. Нижній Новгородъ.

Брюловъ.

90. Аллея.
91. Лѣсъ.

Брандтъ.

92. Финскій пейзажъ.

Крачковскій.

93. Пейзажъ съ облаками.
94. Водяная мельница.

Пр. **Якоби.**

95. Привалъ арестантовъ (имѣется 3 форматовъ).

Пазетти.

96. Осень на Лахтѣ.

МАЛЫЙ ФОРМАТЪ.

(вдвое болѣе кабинетнаго.)

Наклеен.—75 коп. ненаклеен.—20 коп.

Якоби.

97. Свѣтлый праздникъ нищаго.

Беллоли.

98. Нимфа (съ рисунка).

Клодтъ.

99. Швея.

Поповъ.

100. Художникъ-любитель.
101. Балаганы.
102. Кормилица.
103. У фонтана.
104. Дѣти съ бабочкой.
105. Дѣвочка съ дровами.
106. Собаки и куры.

Тютрюмовъ.

107. Зима.

Келлеръ.

108. Св. Троица.
109. Благовѣщеніе.

Басинъ.

110. Александръ Македонскій.
111. Спаситель.
112. Богоматерь.

Басинъ.

113. Апостолы Петръ и Павелъ.
114. Симеонъ Богопріимецъ.
115. Обрученіе Іосифа.
116. Благословеніе дѣтей.
117. Георгій Побѣдоносецъ.
118. Апполонъ и музы.

Савицкій.

119. Дворикъ.

К. Маковскій.

120. Куры.
121. Русскіе типы.

Зичи.

122. Изъ Варфоломеевской ночи.
123. Продажа невольницы.
124. Швея.

Кошелевъ.

125. Разсказъ странницы.
126. Монахъ съ образками.

Лемохъ.

127. Семейное горе.

Чумаковъ.

128. Притча о богатомъ.

Киселевъ.

129. Пейзажъ.

Шарлемань.

130. Сцены изъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» гр. Толстого (виньетка-попури).
131. Балъ на льду.

Трутовскій.

132. Волокита.
133. Балаганъ.
134. Воры.
135. Масляница.
136. Возвращеніе съ сѣнокоса.

Максимовъ.

137. Разсказъ бабушки.

И. Соколовъ.

138. Пряха.
139. Пьяный.
140. Нищіе дѣти.

Крамской.

141. Охотникъ.
143. Портретъ художника Васильева.
143. Портретъ скульптора Антокольскаго.

К. Маковскій.

144. Разбитый горшокъ.

Брюловъ.

145. Дѣти, играющіе въ камешки.

Шварцъ.

7 иллюстрацій къ «Князю Серебряному».

Е. Макаровъ.

54 снимка съ акварелей, исполненныхъ на театрѣ войны 1877 г. для альбома Е. И. Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго.

За пересылку прилагается по таксѣ почтоваго сбора сообразно разстояніямъ: отъ 1 до 10 ненаклеенныхъ фотографій большого объема полагается на одинъ фунтъ; наклеенныхъ отъ 1 до 3 за одинъ фунтъ. Второго и третьяго въ полтора раза болѣе. При этомъ прибавляется на упаковку не наклеенныхъ на 1 фунтъ 5 коп., наклеенныхъ 10 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 47-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 24-го ноября въ 6 часъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 25-го ноября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1880 ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

52 №№ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** 52 №№

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна: **13** р. безъ доставки, **14** р. **50** к. съ доставкою и **16** р. съ пересылкою.

48 №№ **МОДНЫЙ СВѢТЪ** 48 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ВЪ РОССІИ.

Съ картинами, выкройками и разными другими приложеніями.

ГОДОВАЯ ЦѢНА.

I изд.	**4** р.—**5** р. **50** к.	съ дост.	и **6** съ перес.
II »	**5** »—**6** » **50** »	» »	» **7** » »
III »	**7** »—**8** » **50** »	» »	» **9** » »

52 №№ **ОГОНЕКЪ** 52 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУСТВЪ.

СЪ 24 БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: **4** р. безъ доставки и **5** р. съ доставкою и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

Отдѣленіе Конторы редакцій находится **въ Москвѣ**, на Никольской ул. домъ Славянскаго Базара (**при Центральномъ книжномъ магазинѣ**).

Лечебницы Врачебной Общины:

1) Уголъ Невскаго и Большой Морской д. Росманъ № 13—9, входъ съ Невскаго, 2-й подъѣздъ.

2) Семіоновскій переулокъ, домъ № 5.

3) Николаевская ул. близь Разъѣзжей, д. № 52.

4) Пески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ спеціальностямъ ежедневно отъ 11 до 3 часовъ.

Общая Консультація врачей по воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

Открыта подписка на 1880 годъ

БУДИЛЬНИКЪ.

(XVI-й годъ изданія.)

Въ 1880 году «Будильникъ» будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ, еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большого формата (до двухъ и болѣе листовъ въ каждой).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Обозрѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, фельетонахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ и каррикатурахъ.—Юмористическая лѣтопись современныхъ событій вообще —Столичная жизнь, провинціальная хроника. Правоописательныя корреспонденціи изъ провинціи — Литературная лѣтопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.—Театръ и музыка «Домашній театръ Будильника» (пародіи и шаржи) —Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.—Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, каламбуры, пародія, шутки и т. п. Каррикатуры.—Рекламы и объявленія *). Въ «Будильникѣ» принимаютъ участіе: В. А. Александровъ (Крыловъ), В. П Буренинъ, П. В Быковъ, И. А Вашковъ, А. М. Герсонъ, Л. Г Граве, М. А. Козыревъ, А. В. Кругловъ, Н. А. Лейкинъ, Д. Д. Минаевъ, В. О. Михневичъ, А. Н. Молчановъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, Г. А. Нивлянстій, Л. И. Пальминъ, Ф. Н. Плевако, Ф. Ф. Попудогло, А. С. Размадзе, Д. И. Садовниковъ, Н. С. Стружкинъ, И. З. Суриковъ, Л. Н. Трефолевъ, В. А. Черни и друг.

Подписная цѣна:

На годъ:

Съ пересылкою въ города и «Альманахомъ» 8 р. — к.
» » безъ «Альманаха» 7 » 50 »
Въ Москвѣ, съ дост. и «Альманахомъ».... 7 » 50 »
» » безъ «Альманаха».... 7 » — »
» безъ доставки.............. 6 » — »

На полгода:

Съ пересылкою въ города и «Альманахомъ» 5 р. — к.
» » безъ «Альманаха» 4 » 50 »
Въ Москвѣ, съ дост. и «Альманахомъ».... 4 » 50 »
» » безъ «Альманаха».... 4 » — »
» безъ доставки.............. 3 » 50 »

«Альманахъ» высылается гг. подписчикамъ вмѣстѣ съ 1-мъ нумеромъ журнала.

Въ 1879 году подписчики «Будильника» получили, въ видѣ преміи, особый альбомъ, состоящій изъ 50-ти, красками исполненныхъ, оригинальныхъ рисунковъ В. Е. Маковскаго, Н. Е. Рачкова, С. И. Грибкова, А. И. Лебедева, С. А. Любовникова, Н. А. Богданова, К. Н. Чичагова и К. О. Костина. Подписчики 1880-го г. получатъ альбомъ, состоящій изъ 12-ти, большаго противъ прежняго формата рисунковъ, исполненныхъ — каждый — въ нѣсколько красокъ. Рисунки эти будутъ разсылаться подписчикамъ ежемѣсячно, по одному черезъ каждые три нумера. Въ концѣ года будетъ разосланъ художественно исполненный, заглавный листъ для альбома независимо отъ обертки журнала.

*) Въ отдѣлѣ рекламъ и объявленій «Будильника» постоянно печатаются анекдоты, мелкія стихотворенія, каррикатуры и т. д.

АЛЬМАНАХЪ „БУДИЛЬНИКА“ на 1880 годъ

(второй годъ изданія)

выйдетъ въ свѣтъ въ первой половинѣ декабря текущаго 1879 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Обзоръ 1879 года. Предсказанія и примѣты.

II. Календари: 1) астрономическій и метеорологическій, 2) политическій, 3) военный, 4) биржевой, 5) желѣзноконный и желѣзнодорожный, 6) думскій, 7) адвокатскій, 8) литературный, журнальный и газетный, 9) театральный (оперный, балетный и драматическій), 10) художественный, 11) медицинскій, 12) подрядческій и 13) кокотокъ.

III. Двѣнадцать каррикатурныхъ портретовъ русскихъ выдающихся дѣятелей—къ календарямъ 1—12.

Приложенія:

1) Три талона на право помѣщенія въ «Будильникѣ», въ 1880 году, трехъ объявленій безплатно.

2) Стѣнной календарь на 1880 годъ.

3) Календарь-портмонэ на 1880 годъ.

Цѣна «Альманаха» въ отдѣльной продажѣ одинъ рубль, съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

За своевременную высылку журнала контора «Будильника» отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписка заявлена заблаговременно. Деньги высылаются на имя издательницы. Подписчикамъ, недославшимъ денегъ, не будутъ досланы въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе №№ журнала. Контора покорнѣйше проситъ высылать доли рубля монетою, а не почтовыми марками. Жалобы на неаккуратное полученіе журнала заявляются не позже какъ втеченіи мѣсяца отъ первой неисправной получки нумера.

За перемѣну адреса (бандероли) контора взимаетъ 28 коп.

Редакція: Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Мичинера.

Въ «Альманахѣ» будетъ помѣщенъ **РЕБУСЪ**, за разгадку котораго до 1-го марта 1880 года редакція платитъ 300 рублей.

О подпискѣ на (II-ой) 1880 годъ на

РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Литературныхъ, Ученыхъ и Художественныхъ,

Издаваемый по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ содѣйствіемъ извѣстныхъ библіографовъ, важнѣйшихъ книгопродавцевъ, гг. библіотекарей ученыхъ учрежденій и пр.

Книгопродавцемъ **Эмилемъ Гартье**, въ С.-Петербургѣ. «Россійская Библіографія» будетъ выходить въ 1880 году, два раза въ мѣсяцъ, по прежней програмѣ, которая, какъ показалъ опытъ 1879 г., вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли журнала. Нумера «Россійской Библіографіи» будутъ содержать въ себѣ:

Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяцъ).

а) Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи на всѣхъ языкахъ, музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ, фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объема, мѣста изданія, имени издателя и цѣны.

с) Списки важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

в) Списки книгъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія Учен. Комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія

г) Списки театральныхъ пьесъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія драматической цензуры.

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяцъ).

а) Систематическіе списки статей всѣхъ русскихъ журналовъ и газетъ съ прибавленіемъ алфавитнаго указателя именъ.

б) Алфавитные списки періодическихъ изданій съ показаніемъ цѣнъ, адресовъ редакціи и пр

Хроника (два раза въ мѣсяцъ).

Статьи, посвященныя вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—Новости по книжному дѣлу.—Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочиненія.—Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ.—Біографіи и Некрологи.—Корреспонденція.—Библіографическій листокъ, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ).

Объявленія гг. издателей авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ или о книгахъ, готовящихся къ выходу въ свѣтъ.—Объявленія разныхъ промышленностей, имѣющихъ связь съ печатнымъ дѣломъ.—Экономическія объявленія Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ и т. п.—Предложенія и требованія личныхъ услугъ.

Годовой каталогъ (безплатное приложеніе).

Въ концѣ года гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый «алфавитный и предметный ключъ», дающій возможность легко и скоро найдти всѣ свѣдѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ-нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

Условія подписки на (II-ой) 1880 годъ.

На годъ съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р. — к.
» » (съ годовымъ каталогомъ)
На 6 м. » » 2 р., » » 2 р. 50 к.
(безъ годов. каталога)
На 3 м. » » 1 р., » » 1 р. 25 к.
(безъ годов. каталога)

Цѣна отдѣльныхъ нумеровъ 25 к.; съ пересылкою 30 к.

Контора журнала помѣщается при книжномъ складѣ «Россійской Библіографіи» (**Эмиль Гартье**) Невскій пр., 27 (у Казанскаго моста) въ С.-Петербургѣ.

Книжный складъ **«Россійской Библіографіи»** (Эмиль Гартье). Невскій пр 27 (у Казанскаго моста), въ С.-Петербургѣ.

1) Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскіе и иностранные, по цѣнамъ «Ежегодника періодическихъ изданій Россіи», т. е. по цѣнамъ редакцій.
2) Высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособія и пр., какъ русскія, такъ и заграничныя изданія
3) Принимаетъ на складъ провинціальныя изданія и пр.

Постоянные покупатели получаютъ безплатно «Ежемѣсячные каталоги» новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ книжнаго склада **«Россійской Библіографіи»**.

(Для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р с.)

ГЕЛІО-МИНІАТЮРЫ.

Выучиваютъ въ нѣсколько уроковъ художеств. окраскѣ фотограф. портретовъ и открываютъ секретъ производства. Цѣна за курсъ 15 рублей. Здѣсь-же можно имѣть портреты писателей. Троицкій пер. д. 28, кв. 27. Пріемъ по воскресеньямъ и четвергамъ.

При 48 № «Жив. Об.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе **„Эдистонскій маякъ“** картина Ж. Тёрнера и два объявленія для иногородныхъ подписчиковъ: 1) Отъ книжнаго магазина **С. И. Леухина** и 2) Объ изданіи газеты **„Новости“**.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 30 Ноября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)